

КОНАН

И ГЛАЗ
ПАУКА

Отмычки Бела

Олаф Бьорн Локнит

Глаз Паука

«Лениздат»

2005

Локнит О.

Глаз Паука / О. Локнит — «Лениздат», 2005 — (Отмычки Бела)

Конан и сотоварищи не оставят нападение на «Уютную нору» и гибель своих товарищей безнаказанными. Но они даже не представляют, что поиски убийц приведут их к культу почитателей бога-паука Затха. Но даже это не остановит Конана.

© Локнит О., 2005

© Лениздат, 2005

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Глава первая	12
Глава вторая	27
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олаф Бьорн Локнит

Глаз Паука

Пролог

Башня над морем

На самом деле ничего этого не было.

Не было огромного приморского города с домами из ослепительно белого камня и раскинувшегося на холме величественного дворца с позолоченными крышами. Не было шумящей день и ночь напролет гавани, забитой множеством торговых и военных кораблей. Не было яростного солнца, искрами отражающегося в малейшей зеркальной поверхности и щедро заливающего город. Не было резной зелени колышущихся пальм, неумолчных криков торговцев и проникающего всюду острого запаха свежей рыбы.

Несмотря на чужеземные корабли и сотни постоянных дворов, ни один путешественник никогда не прибывал в этот город и не проходил его улицами, вымощенными плитами разноцветного ракушечника. Порой случалось, что кварталы и дворцовые строения словно бы окутывались туманным маревом, начиная колыхаться и расплываться – но местные жители напрочь не замечали странного происшествия, продолжая жить своими делами и заботами.

Единственной реальной, неоспоримой и действительной вещью в полупризрачном миреке было и оставалось море. Море, на берегах которого некогда процветал великий, богатый и надменный народ, диктовавший свою волю иным городам и странам, покуда не исчерпалось отпущенное ему богами время. Люди ушли. Останки былых домов и дворцов затянуло песком, сквозь плиты мостовой проросла серая жесткая трава. Лишь одно-единственное существо помнило теперь о днях величия павшего города.

Помнило – и своей магической властью возродило его призрачный образ, отдав дань собственной сентиментальности и получив возможность иногда возвращаться в место, где Оно впервые осознало себя.

И еще была башня – легкая, устремленная к вечно безоблачному небу постройка из золотистого и розового камня на побережье, где заканчивается городское предместье и начинаются бесконечные виноградники, перемежаемые оливковыми рощами. Давно сгинувшие обитатели призрачного города, сами не отдавая себе отчета, порой тревожно вглядывались туда, где поднимались розово-золотые стены. Неизвестно почему Башня считалась местом нехорошим, облюбованным демонами. Она казалась необитаемой, хотя и очень хорошо сохранившейся – ни тебе выкрошившихся кирпичей, ни осыпающейся облицовки, – однако еще никому из горожан не пришло в голову сходить и взглянуть на нее поближе. Впрочем, разве могут быть собственные желания у призраков, само иллюзорное бытие коих зависит единственно от прихоти создателя?

...Сегодня Башню лихорадило. Окрас каменных стен сменился с торжественно-золотого на грязно-оранжевый, но превращение на том не закончилось. К середине дня башня приобрела мрачный темно-красный оттенок дикого камня, покрытого местами черным сырým мхом. Оливковые деревья вокруг словно побило внезапным холодом. Их мясистые листья, съеживаясь и опадая от малейшего ветерка, толстым ковром устлали ведущую к башенной двери дорожку.

Хотя странная башня и вела себя самым неподобающим для каменного строения образом, дверь у нее была самая обычная – из толстых дубовых досок, сшитых потускневшими от времени бронзовыми скрепами. Каменную плиту перед самым порогом украшало неизменное

для гостеприимного Полудня благопожелание входящему, выложенное цветными камушками. За порогом начиналась узкая винтовая лестница, освещенная косыми солнечными лучами, падающими из прорезанных в толще стен окошек. Кое-где на лестницу выходили двери – весьма загадочные, надо заметить. Среди них не нашлось бы и пары одинаковых. Решетчатые, сделанные из переплетенных бронзовых прутьев; деревянные, схваченные для крепости железными накладками; открытые арки, затянутые легкомысленного вида тканями или шнурами с нанизанными бусинами. Наконец, на самом верху имелось нечто вообще непонятное – проем, обрамленный вычурной рамкой чистого серебра. Внутри, не смешиваясь, переливались синий и фиолетовый цвета, будто капли масла, скользящие по поверхности воды.

Ступеньки приводили в просторную круглую комнату, шагов двадцати в поперечнике, занимавшую весь верхний этаж. В поднимавшихся от пола до выгнутого изящным куполом мозаичного потолка высоких окнах трепетали прозрачные занавеси. Пробиваясь сквозь цветные шелка, солнце наполняло комнату множеством разноцветных отблесков, делая помещение ярким и радостным.

Вернее, пытаясь сделать. Настроение комнаты обычно соответствовало состоянию духа ее обитателя, а сегодня таковое оставляло желать лучшего. Все свидетельствовало о том, что верхний зал Башни целеустремленно и яростно пытались разнести вдребезги, используя любые попадавшиеся под руку предметы.

На мраморном полу, составленном из перекрещивающихся окружностей всех цветов радуги, блестели осколки разбитых зеркал и обращенных в пыль хрустальных и фарфоровых безделушек. В воздухе над грудой вспоротых подушек медленно кружили легкие перышки. Под черепками расколотых вдребезги кувшинов, брошенных в стены или шваркнутых об пол, расплывались липкие винные лужицы. Возле одной из них брюхом вверх вытянулось длинное мохнатое тельце хорька, слабо перебиравшего в воздухе лапами и блаженно повизгивавшего – животное, судя по всему, было мертвецки пьяно. Десяток его собратьев шумно носился туда-сюда, с треском гоня по мрамору округлый граненый камень ярко-бирюзового цвета размером с голубиное яйцо, выстреливавший снопы ослепительных искр.

Кроме увлеченных потасовкой хорьков, в комнате находились двое людей – по крайней мере внешность этих двоих позволяла сделать предположение об их несомненной принадлежности к человеческому роду. А вот судить о том, живы ли эти люди, следовало весьма осторожно. Мужчина, похоже, был все-таки жив, хоть и находился в той печальной степени опьянения, какое зовется «мертвецким». Что же до девушки...

Одетая в длинное алое платье, расшитое невиданными золотыми цветами, она сидела в круге, выложенном бледно-голубым камнем ровно в центре комнаты, и медленными движениями раскладывала перед собой гадательный тарок. Миловидное скуластое личико уроженки Турана обрамляли пушистые локоны – не черные, но светло-рыжие, с приятным медовым оттенком, в больших карих глазах поблескивали задумчивые золотые искорки. Карты из плотной кожи изрядно обтрепались по краям, но нарисованные на оборотной стороне драконы по-прежнему презрительно шурились, не торопясь раскрывать свои тайны.

Вместо красочных загадочных изображений на всех картах тарока красовалось одно и то же.

Черная пустота, лишённая каких-либо знаков. Тьма, конец всех путей.

Раскинув карты, гадалка растерянно взирала на получившийся расклад, взмахом руки собирала колоду, перемешивала и повторяла ритуал снова. Девушка не отрывала пристального взгляда от тарока и не обращала внимания, если орава заигравшихся зверьков пронеслась сквозь нее. Ферузу иси-Мансур-ат'Джебеларик, как звали рыжую туранку, не беспокоило уже ничего: тело ее пребывало на кладбище, а душа – на Серых Равнинах.

Для того, кто вызвал из небытия призрак гадалки Ферузы, было достаточно просто смотреть на нее. Следить за неспешными движениями тонких рук, перебирающих карты. Наблю-

дать, как покачивается длинный золотистый локон, и какое у нее спокойное, сосредоточенное лицо. Почти как там, в Обманном переулке, где ее настигла случайная стрела... Случайная – или?..

Хозяин Башни – предпочитавший облик молодого человека лет двадцати пяти с небольшим, смуглого, темноволосого, темноглазого, с хищно выгнутом орлиным носом и красиво вычерченным ртом – поерзал, устраиваясь поудобнее и укладывая подбородок на сжатые кулаки. Огромная кровать, на которой он лежал, занимала чуть не половину комнаты и пребывала в жалком состоянии. Непонятно зачем он прикончил все подушки, изодрал простыни в живописные лохмотья и изрубил часть резного изголовья. Облегчения это не принесло, а хорошая вещь была безнадежно испорчена.

В приступе отчаяния ему опять захотелось разбить или сломать что-нибудь, но в пределах досягаемости не осталось ни одной целой вещи. Можно, конечно, заняться креслами и превратить их в кучу щепок... Или развеять к демоновой бабушке треклятый город – на кой ляд он вообще его создал?! Сжечь его, похоронить под песками, смыть приливной волной, заставить призрачных жителей драться меж собой, пока не падет последний... можно все, но разве это вернет Ферузу?

Так что лучше молча любоваться ею, растрawляя душу. У вещей довольно короткая память, оживленные заклатьем воспоминания так долго принадлежавшей гадалке колоды карт скоро сойдут на нет. Тарок вновь станет тремя десятками истрепанных кусочков кожи, покрытыми облезшей краской, бесполезными и никчемными. Он будет валяться здесь, неотрывно глядеть на нее и потихоньку сходить с ума от безнадежности – хотя смертные уверены, что с подобными ему такого случиться не может.

Впрочем, владельца Башни-на-побережье подобные мелочи не волновали. Его вообще ничего не волновало, кроме наваждения, уже начинавшего постепенно таять. Алое платье Ферузы казалось слегка выцветшим, и золотые соцветия на нем вроде бы поблекли... Неужели его способностей достало только на несколько кратких мгновений чуда, а потом все пойдет своим чередом? Мертвецы канут в прах, он останется в одиночестве посреди рассыпанных сокровищ Башни...

Будто подчеркивая безнадежную нелепость ситуации, под куполом поплыл чистый девичий голосок, сопровождаемый перезвоном невидимой виолы:

...И с кошкой под окном
все смотрим за огнем —
но думаем не о нем.
И свечка догорит,
и печь проговорит:
«Усни-ка в тепле, при мне...» —
и месяц кувырком
покатится клубком
по крышам – все ниже – в снег...

Порвется в пальцах нить —
легко соединить:
здесь путь привычен и прост...
А вот как карты не кидай,
на сердце не гадай —
дорога, дорога врозь...

Бесхитростная мелодия стала той соломинкой, что переломила спину верблюда: агатовые зрачки подозрительно заблестели, послышался отчетливый душераздирающий всхлип. Возившиеся на полу хорьки бросили игру, уселись кружком и уставились бусинками глаз на своего господина и повелителя, недоуменно пересвистываясь.

Под одним из кресел мелькнул изумрудный проблеск, и на свет задом наперед выбралось непонятное существо. Росточком оно едва ли достало бы человеку до пояса. Пришлец, судя по внешнему виду, годился Хозяину Башни в прадедушки, носил одежду пронзительно-зеленых цветов и залихватски сдвинутый набок алый колпачок. Еще карлик мог похвастаться клочковатой седой бородашкой, маленькими бегающими глазками и физиономией, смахивающей на хорошо проявленную сливу.

В разных мирах и разных временах сородичей забавного карлика именовали по разному. Люди, назвав подобных созданий «клуриканы», полагали их исключительно вымышленными персонажами и в сказках выводили родословную Маленького Народец от dwarves – ошибаясь и в том, и в другом. Во-первых, клуриканы абсолютно реальны, хотя немногочисленны и скрытны. Мало кто из людей мог похвастаться, что видел живого карлика (впрочем, подобное хвастовство обычно списывали на чрезмерное употребление крепкого вина.) Во-вторых, клуриканы не имеют к гномам ровным счетом никакого отношения, будучи порождены совершенно иной Силой, нежели та, что однажды – по ошибке или намеренно – обратила несколько гранитных валунов в семерых Праотцов dwarves. В отличие от подгорных рудознатцев, клуриканы терпеть не могут подземелья, предпочитая обитать на поверхности земли. Некоторые даже устраиваются в человеческих жилищах или рядом с ними, утверждая, якобы лучше места не найти – люди такие рассеянные и бестолковые, что либо не замечают живущих по соседству карликов, либо принимают их за духов-хранителей дома.

Клуриканы не бессмертны, но срок их жизни многократно превышает отмеренное людям. Правильный клуриканы предпочитает оружие – колдовство, вино – пряный и хмельной вересковый мед (который, по преданию, только они умеют варить именно так, как нужно), людям – животных и зеленый цвет – всем остальным. Легенды гласят, что, изловив клуриканы (а сие невероятно сложно даже в легендах), нужно первым делом пытаться его проклады, по части которых карлики считаются несравненными знатоками. Легенды врут – Маленький Народец своих кладов не прячет и чужими не интересуется, но, если каким-то образом приваждать карлика и сумеешь подружиться с ним, то у вас появится неоценимый помощник в любых делах, неутомимый и вездесущий, хотя и весьма ворчливый. А вот в чем сказки совершенно правы, так это в описании знаменитого клуриканского ехидства. В глухих деревнях за Граскаалем еще в ходу поговорка: «Вредный, как клуриканы». Наделенный хоть и небольшим, но несомненным колдовским даром, Маленький Народец неистощим по части мелкопакостных шуток, гнусных розыгрышей и прочих зловредных проделок, с помощью коих жизнь человека день за днем можно сделать совершенно невыносимой. Карлики никогда не спускают нанесенной им, намеренно или невольно, обиды, в особенности же не любят пьяниц, нерях и сборщиков податей.

Клуриканы, давным-давно обосновавшийся в Башне-у-Моря, носил длиннющее и напрочь непроизносимое человеческим языком имечко, постепенно сократившееся до незамысловатого прозвища «Квикка». Считалось, якобы он исполняет должность уборщика и прислуги за все, но сам Квикка полагал себя законным домоправителем – по его мнению, истинный владелец Башни совершенно не обладал способностью приглядывать за собственным имуществом.

Хотя у старого клурикане имелась целая свора помощников, порой ему самому доводилось вспоминать прежнее ремесло. Как правило, это случалось в те дни, когда на Хозяина Башни накатывал очередной приступ чернейшей меланхолии. Вот и сейчас, повозившись, человек извлек из-под кресла кожаное ведро едва ли не с него самого ростом, метелку из

конского волоса да серебряный совок, украшенный по краям россыпью мелких изумрудов и заозирался, довольно громко бурча себе под нос:

– ... Та-ак, подушки пуховые, перина, покрывало расписное шелковое, все в мелкие лохмотья... Кресла с кожаной обивкой, марангового дерева, кхарийской работы, восстановлению не подлежат... Убытка сколько, а все из-за чего? Горе у него, поди ж ты... Погибла любовь единственная, неповторимая, за последнее столетие семьдесят восьмая... ай-яй-яй, подумать, какое горе, то ль в окно сигануть, то ль в винище утопиться... Ну любовь и любовь, а вещи-то зачем ломать? Ага, и гобелен спалил, семьсот лет гобелену...

– А ну немедленно заткнись, – старательно выговаривая каждое слово, на что способны лишь очень пьяные люди, потребовал молодой человек.

– И не подумаю, – Квикка нарочно водрузил свое ведро по соседству с призраком девушки, от которой теперь остались только очертания фигуры в алом да кисти рук, перемеживающих старую колоду. – Я не за хозяйство радею, мне вас жалко! До чего себя довели, смотреть противно, гляньте в зеркало-то, на что похожи... а, и зеркало вдребезги... Или, скажете, я не прав? – низкорослый слуга патетически помахал в воздухе метлой. – Ну умерла, ну убили, так куда ж теперь?.. Есть такое обыкновение у людей – умирать, потому и зовутся – *смертные*, не вам, Творцам, чета! Обычная смертная девчонка, к которой вас угораздило привязаться на пару дней...

– Она моя жена, – упрямо возразил Хозяин Башни. – Законная супруга. Пред богами и людьми.

– Пфе! Сколько их еще на моей памяти было! – фыркнул клурикани, деловито отправляя в ведро вместе с пригоршней мусора искрящийся сапфир. – Хоть себя-то не обманывайте. А уж коли она вам вправду была дорога, то нечего сидеть, хныча в тряпочку о своей горькой судьбе. Сыщите этих шакалов из худого рода, что повинны в ее смерти, да проучите так, чтобы впредь было неповадно. Вот как тогда, с офирским банкиром, который из ревности отравил прекрасную... как ее звали, вашу тогдашнюю?.. ну, вы ж помните, всего лет триста прошло?.. И не рассказывайте мне сказки, якобы вам запретили наведываться в Мир! – свирепый взмах метелки пресек любые возражения. – Когда вас останавливали чьи-то запреты, а? Но раз вы торчите в Башне, стало быть, вам это по душе – страдать да убиваться. Или все, силенки исчерпались? Может, вы еще и старитесь начнете, кряхтеть и жаловаться на костную сухотку?

– Заткнись, кому сказано! – на сей раз приказание сопровождалось шариком алого огня, слетевшим с указательного пальца молодого человека. Карлик без труда уклонился. Испуганные хорьки брызнули в разные стороны, прячась под уцелевшими предметами обстановки, а на блестящем мраморе появилось жирное черное пятно.

– Вот-вот, я об этом и говорю, – прислужник наставительно поднял вверх крючковатый палец. – Рыдаете по своим знакомцам, промахиваетесь по мне, вскоре не сумеете попасть ключом в замочную скважину... Кому вы тогда станете нужны? У кого хватит ума верить в ходячую нелепость? Даже призрака своей ненаглядной толком сотворить не сумели!

Последнее утверждение было сухой правдой. Стоило Хозяину Башни отвлечься, как наваждение тихонько исчезло, развеявшись сизой дымкой. Лишившись опоры, тарок с пару ударов сердца повисел в воздухе и шлепнулся на пол. Карты разлетелись шелестящим веером, некоторые приземлились у обутых в стоптанные остроносые сапоги ног коротышки. Тот наклонился вперед, чтобы спустя мгновение сообщить своему господину:

– О... вроде бы расклад какой-то выпал. Удивительное дело! Не соизволите взглянуть?

– Не на что смотреть. Они больше не разговаривают, – меланхолично отозвался молодой человек, не делая даже попытки встать. – Всегда одно и то же: тьма и конец всех путей.

– Да нет же! – настаивал на своем клурикани, вглядываясь в появившиеся на кусочках кожи тусклые рисунки, с каждым мгновением становившиеся все отчетливее и яснее. – Что я,

гадальных карт не знаю, когда их моя прабабушка выдумала? Вот это точно Узник, чтоб мне переродиться земляным червяком! А вот Бесконечная Лестница или как там она зовется...

Настойчивость старого слуги одержала верх. Хозяин Башни нехотя сполз с разоренной кровати и побрел к центру зала, пару раз споткнувшись о перевернутые кресла. Встав рядом, господин и домоправитель в немом изумлении уставились на разметанные карты.

Большая часть колоды легла рубашкой кверху, открылись лишь пять, сложившись в пятиричный крест – стянутые воедино Прошлое, Настоящее и Будущее, соединенные могуществом препятствующих и содействующих Обстоятельств. Молодой человек, пошатнувшись, опустился на корточки, ведя подрагивающим пальцем по затертым кусочкам кожи, перечисляя названия карт и запнувшись лишь однажды, не по неведению, а от удивления:

– Узник, Врата, Дорога, Лисы-в-винограднике... и Паутина в центре. К чему все это? Кто этот Узник – уж не я ли, в этой треклятой Башне? Брр, в голове все плывет... Квикка, ты вроде хвалился, будто умеешь толковать тарок?

– С превеликим удовольствием, да... Гм... Ага, вот как... Узник стоит у Врат, – забубнил коротышка Квикка. – Врата сии – из прошлого в будущее, хм, странно... Узник, господин, карта темная, и к добру бывает, и к несчастью... Дорога – она и есть дорога, опасности многие путнику сулящая, и куда ведет, никто не знает, но только в препятствиях она у вас легла, уж не обессудьте... Лисы-в-винограднике, напротив, в Обстоятельствах содействующих, ну а Карта Лис суть общество людей хитрых и вороватых, каковые в любимом вашем городишке не переводятся – заодно с вами эти люди будут, хотя не знаю, помогут ли... А Паутина – хоть меня убейте, не ведаю, к чему она. Только где паутина, там, ясное дело, и паук недалеко... Да есть ли вообще такая карта в тароке? Не помню ее!..

Несколько мгновений Хозяин Башни с туповатым вниманием изучал валяющиеся на полу кусочки кожи. Внезапно резким движением руки он перемешал их. Резкость стоила ему равновесия – поскользнувшись на гладком полу, молодой человек шлепнулся на пятую точку и возопил в пространство, добавляя трагического надрыва в голос:

– О, Квикка, добрый мой друг, что мне теперь до этого? Пауки, лисы, дороги – пропади оно все пропадом! Она умерла, ушла навеки, разлучена со мной и духом, и телом! Лишь призрак ее со мной, но и он мимолетен, бывшее же не вернуть никогда! Понимаешь ли ты, что такое «никогда», глупый карлик? Ни-ког-да! – последнее слово он повторил по слогам, ударяя в такт кулаком по мраморным плитам. – Ох, горе... Вина мне.

– Нету, – отрезал карлик.

– Есть. Полный погреб. Вина мне! Я желаю...

– Нет, – рявкнул Квикка, сердито насупив клочковатые брови. Насколько старый прислужник обожал и побаивался своего хозяина трезвого, настолько же презирал его пьяного – со всей врожденной клуриканской истовостью. Правда, пьяным хозяин бывал нечасто: от силы два-три раза в столетие, но так, как нынче, не было, пожалуй, ни разу. Придя к решению, клуриканине крепче ухватился за палку своей метлы и решительно заявил: – А хоть бы и было, все одно не дам. Хватит вам накачиваться всякой дрянью.

– А я хочу, – упрямо замотал растрепанной головой Хозяин Башни. – И вообще, с какой стати ты со мной споришь? Ты вообще кто такой, а?! Вот превращу тебя во что-нибудь тихое... В жабу... В крысу! Нет, в...

– В каракатицу, – мрачно перебил карлик. – Уже дрожу. Лучше хотя бы раз в жизни послушайте старого Квикку. Сами знаете – в вашей Башне ничего случайно не происходит, стало быть, и расклад у тарока выпал неспроста, – в интонациях клурикане появилась тревожная озабоченность: – Вдруг это она, ну, подружка ваша, желает вам что-то сказать напоследок? Неужели вы и с места не двинетесь, чтобы исполнить последнюю просьбу бедной девушки? А она-то небось так на вас рассчитывала...

– Замолчишь ты или нет? – рявкнул молодой человек. – Я сказал и повторяю еще раз, первый и последний – я никуда отсюда не двинусь! Все, хватит, надоело! Тарок там или не тарок, а я точно знаю: мертвые не разговаривают с живыми, а Феруза мертва! Пусть они теперь делают в своем Шадизаре, что хотят, и обходятся без меня! Вина мне!

– Как бы не так! – клурикани выпрямился во весь свой крохотный рост и смачно сплюнул на розово-голубой мрамор пола. Собрав всю имевшуюся храбрость, Квикка совершил то, на что раньше никогда бы не отважился: сгреб сидевшего на полу Хозяина Башни за воротник рубашки и с неожиданной для столь маленького создания силой поволок к выходу из зала.

Будь пол не таким скользким, а человек не таким пьяным, трюк бы вряд ли удался. Но старый карлик не на шутку рассвирепел, понимая – господина нужно срочно спасать, пусть даже против его желания. Опешивший и растерявшийся владелец Башни-у-Моря не пытался вырваться, бессвязно грозя своему прислужнику жуткими карами. Скакавшие вслед за странной парой хорьки оглушительно верещали, сочтя происходящее новой увлекательной игрой.

Доволочив свою слабо упирающуюся ношу до лестницы, клурикани крикнул и решительно начал тяжелый спуск вниз. Вопли Хозяина Башни сменились с угрожающих на жалобные – ему не очень-то нравилось стукаться о каждую из ступенек винтовой лестницы. Однако старый коротышка был неумолим, отпустив жертву только перед загадочным проемом в обрамлении серебряной каймы.

– Я тебе... – бормотал человек, делая слабые попытки подняться на ноги. – Я тебя... в жабу...

– Нет уж, в каракатицу, как договорились, – буркнул Квикка, разворачивая господина и повелителя в нужном направлении, то есть головой к волшебным переливам синего, лилового и темно-пурпурного.

– Не делай этого! Квикка, я тебе еще припомню!..

– Как вернетесь, так сразу и припомните. А пока ступайте и разберитесь, что там к чему в вашем паршивом городке. Поосторожней там, да не пейте много, – карлик тяжело вздохнул и отвел руку для мощного толчка. – Раз, два... три!

– Не-ет!.. – отчаянно взвыл Хозяин Башни.

И канул в магический портал головой вперед, словно пловец, бросающийся в омут, утянув с собой одного из хорьков, вцепившегося коготками в штанину. За ними сомкнулась сине-фиолетовая гладь, заколыхалась, пошла кругами, в точности такими, какие расходятся по воде от упавшего камня, и вдруг застыла мертвым серебряным зеркалом.

Старый Квикка горестно посопел, пнул не в меру настырного хорька и поплелся заканчивать уборку.

Часть первая В поисках утраченного

Глава первая Пытливые умы

Город Шадизар, Замора.

Конец лета 1264 года по основанию Аквилонии.

В это же самое время в славном городе Шадизаре, в большом и богато обставленном доме в самом конце улицы Изис, на выходящей в сад веранде сидел в любимом плетеном кресле Верховный Дознаватель Заморы и потягивал розовое вино со льдом, поджидая гостей. Гости опаздывали.

Черепичная крыша веранды укрывала от одуряющей летней жары, кхитайское кресло было удобным, а вино – вкусным. В маленьком садике журчал фонтан и пели птицы. Сладкие цветочные ароматы наполняли воздух. Но всех этих красот сидящий на веранде хозяин дома почти не замечал, постепенно наливаясь слабеньким вином и черной злостью.

На душе у Его светлости месьора Рекифеса Рендера скребли кошки. Большие и злые.

Во имя всех богов, древних и новых, думал он, что делает потомок старинного и гордого дворянского рода в сей смрадной луже, переполненной мерзавцами, жуликами и убийцами всех сортов и разновидностей? В этой ошибке Создателя, по чистому недоразумению получившей громкое звание города? В этом прогнившем болоте, пристанище ядовитых змей и скорпионов, норовящих исподтишка вцепиться тебе в задницу?

Проще говоря – что делаю я в Шадизаре, провалился он на дно самой глубочайшей из преисподних!

Трижды проклятье! И зачем только правителям Немедийской империи некогда втемяшилась в голову блистательная идея расширить границы государства за счет никчемного клочка земли, где даже дурманные маки толком не растут? Ладно, расширили – нужно же утереть нос туранским соседям за грядой Кезанкийских гор и присмотреть за изрядным участком проходящей здесь Дороги Королей. Тут бы вовремя и остановиться, так ведь нет!

Найти бы того умника, коему пришла на ум свежая мысль – распутать скрутившийся за столетия узел темных шадизарских делишек. Взять к ногтю враждующие банды, шайки контрабандистов, торговцев лотосом и живым товаром. Истребить под корень проходимцев, чекающих поддельную монету, изготовителей Больших королевских печатей, ничуть неотличимых от настоящих, и совершить уйму прочих дел, достойных упоминания в летописях.

Взглянуть бы в честные глазки чинуши, назвавшего единственным подходящим человеком для такого подвига некоего Рекифеса из рода Рендеров. И предать злобного интригана самой жуткой, самой мучительной... нет! Смерть – слишком легкое воздаяние за подобную гнусность! Есть наказание получше: назначить его Верховным Дознавателем, а заодно Лордом-Протектором Шадизара.

И пусть тогда выкручивается как хочет!

...Порой месьору Рекифесу начинало казаться, что подходящих финалов его карьеры может быть два.

Первый: он обвиняет всех поголовно обитателей Шадизара, включая младенцев и стариков, в заговоре против Трона Дракона и намерении свести его, Рекифеса Рендера, с ума, требует от Бельверуса прислать сюда парочку легионов и поджигает мерзкий городишко со всех четырех концов. Воспоминания о горящем Шадизаре будут единственной вещью, способной скрасить последующие годы, проведенные под замком в каземате бельверусской тюрьмы.

Второй: он плюет к демонам свинячьим на любые обязательства перед короной, разгоняет Сыскную Когорту, начинает брать взятки направо и налево, а лет через пять узурпирует власть в Шадизаре, объявляя его вольным городом. После чего из Бельверуса опять-таки заявляются карающие легионы. Недолгое, но яростное сопротивление завершается штурмом, и самозванный правитель с гордо поднятой головой отправляется на плаху. Скорбящие жители провожают его горестными воплями и забрасывают букетиками желтого лотоса... по пять сиклей за связку.

Как говорят шемские торговцы – оно мне надо?..

За минувший год Рекифес не раз и не два ощутил себя на месте того мальчика из сказки, что самоуверенно пытался ложкой вычерпать море. Он разработал и протасил через Городской Совет целый свод новых законов, направленных против уличной преступности – но все его начинания разбивались о нерадивость городской стражи и корыстолюбие чиновников. Он отправлял на плаху и в соляные копи убийц, рубил руки ворами, набивал Алронг мошенниками и вымогателями, устраивал внезапные облавы в притонах; добрался даже до нескольких квартальных «старшин» – и что же? Едва его стараниями в преступной иерархии возникало свободное место, как его тут же занимал новый бандит, ничуть не лучше предыдущего. Мало того, у некоторых хватало нахальства благодарить Сыскную Когорту и лично Его светлость за посильную помощь в «продвижении по службе»!

К тому же, как видно, на небесах сочли, что всех этих испытаний и тревожений Рекифесу Рендеру недостаточно, усугубив его и без того нелегкую жизнь вспыхнувшей на пустом месте сварой между представителями религиозных конфессий, обосновавшихся в Шадизаре. Митрианцы жаловались на поклонников – и особенно поклонниц Иштар, переманивающих красочными обрядами паству к себе. Госпожа Лейлит, верховная жрица иштарийцев, недавно приволокла многостраничный донос на маленькую общину последовательниц Дэркетто, яростно кляня последних за распущенность и растление нравов. Девы Дэркетто робко негодовали на туранцев, следующих суровым воинским заветам Эрлика – вплоть до полного воздержания, подумать только! – и приравнивавших капище Сладостной к обычному борделю...

Единственное, что объединяло верующих различных учений и их духовных наставников – ненависть к воспрянувшему в нынешнем году культу Затха, Паука Всезнающего и Всеведующего. Рекифес полагал, что поклонение Пауку уже давным-давно сошло на нет, а два его уцелевших храма пребывают в весьма бедственном состоянии. Однако горожане, что подтверждалось осведомителями, и в самом деле по неведомой причине вновь обратились к своему древнему божеству. Впитавшаяся в кровь подозрительность твердила месьору Рендеру: ничего хорошего от эдаких новостей ждать не приходится. Кончится все мордобитием во имя веры, а ему опять искать виновного.

Хорошо хоть, ни единая живая душа не жаловалась на нынешнего покровителя города, Обманщика. Правда, до Верховного Дознавателя дошел смутный слух о дерзкой выходке кого-то из Ночного Братства, стянувшего с алтаря одного из молелен Хранителя Воров ритуальный талисман, кольцо с отмычками. Зачем они кому-то понадобились, молва сказать затруднялась: отмычки были проржавевшими в прах и грозили вот-вот рассыпаться.

А тут еще новая беда. Пришла, как водится, откуда не ждали.

Из блистательной Тарангии вернулся в отчий дом Адриеш Тавилау, долгих пять лет постигавший разнообразные науки в стенах тарангийской Обители Мудрости. Помимо обширных знаний касательно языков и законов Материка, сей способный студиозус нахватался в Аквилонии всяческих вольнодумных идей, каковые идеи, едва появившись в Шадизаре, принялся увлеченно воплощать в жизнь. Мало того, сумел увлечь своей затеей младшую сестру, Юнру Тавилау. А затея была – ни много ни мало как выставить в самом неприглядном и смешном свете городские власти, ожиревшие и продажные, по мнению молодого Тавилау.

Острый ум Юнры, редкостное ехидство Адриеша и деньги «Торгового Дома Тавилау» быстро сделали сию непростую задачу не только выполнимой, но и весьма популярной сперва в узком кругу друзей (что было еще терпимо), а потом и среди народа. Вот этого Рекифес Рендер уже не стерпел. Господин Верховный Дознаватель еще мог, скрепя сердце, понять причины бандитской признательности. Но когда над ним начинали публично издеваться те, кого он всеми силами старался защитить, неподкупный немедиец приходил в самую настоящую ярость.

Доказательства возмутительной деятельности молодых Тавилау лежали перед ним на низком столике, придавленные, чтоб не унес случайный ветерок, тяжелым хрустальным графином.

* * *

Адриеш Тавилау не зря потратил годы и деньги своих родителей на учебу, поразив родных и знакомых своими многогранными талантами. Наиболее заметным из плодов юного пытливого ума стал «Вестник» – здоровенный лист скверно выделанной тряпичной бумаги, украшенный зарисовками городской жизни и подписями к ним, иногда довольно пространными и едкими. Раз в седмицу Тавилау изготавливали с десяток таких «Вестников», продавая или даря их своим приятелям из числа разумеющих грамоте. Поначалу содержание листков сводилось к пересказу слухов, касающихся мутных сливок шадизарского высшего света, перечнем победителей очередных скачек на Конном Ристалище, да кратким изложением городских и заграничных новостей.

Диковинная забава быстро нашла своих поклонников. В дни выхода нового «Вестника» у ворот имения Тавилау теперь всегда торчала кучка слуг, отправленных с поручением любыми средствами раздобыть свежий листок. Среди прислуги отыскивались свои грамотеи, вслух зачитывавшие любопытным собратьям изложенные в «Вестнике» сплетни. Далее, заполучившие долгожданный листок господина считали своим долгом заказать писцам снять копии – для друзей своих друзей, и «Вестник» расплзался по зажиточным кварталам быстрее моровой язвы. Писцы за малую мзду или просто за угощение пересказывали прочитанное в тавернах, добавляя, кто во что горазд, пикантных подробностей от себя...

Мельком глянув на парочку доставленных ему листков, Верховный Дознаватель счел новое повальное увлечение богатой молодежи вполне безобидным – но, как выяснилось, ошибся. В последующих «Вестниках» разошедшийся Адриеш Тавилау принялся излагать свое мнение относительно продажности городского Совета, сообщив также подробности кое-каких личных пристрастий уважаемых советников. Где предприимчивый юнец брал сведения – для Рекифеса пока оставалось загадкой. Но, как видно, кое-что из сплетен оказалось правдой, и однажды некие личности крепко избили не в меру любопытного студиозуса в темном переулке.

Любой благоразумный человек почел бы за благо свернуть лавочку, однако понятие благоразумности и Младший Тавилау явно никогда не были близко знакомы. Он продолжал выпускать свой омерзительный листок, правда, сделался осторожен и ходил по городу не иначе

как в сопровождении двух телохранителей. (Что до Юнры, его сестры, то последняя и прежде крайне редко покидала хорошо охраняемое отцовское имение.) Зато случившаяся с юношей незадача странным образом прибавила ему популярности, и подстрекаемый гордыней Адриеш перешел к торговым Гильдиям, а от них – к Дознавательной Управе вообще и Сыскной Когорте в частности.

Вот тут-то Рекифес начал постепенно закипать. Если верить Адриешу, Когорта состояла исключительно из скудоумных тупиц, возглавляемых высокомерным солдафоном, с рождения лишенным как мозгов, так и малейшего воображения. Продажность дознавателей, согласно утверждениям Младшего Тавилау, не шла ни в какое сравнение с жадностью ростовщиков Каменного Рынка, а настоящие преступники могли спать спокойно – при условии, если они поделились частью своей добычи с Когортой. Разумеется, только полный болван способен поверить заверениям человекоохранителей, якобы все добро, столь виртуозно похищенное за последние луны двергами Чамгана, будет возвращено законным владельцам...

Последнее утверждение просто довело месьора Рендера до белого каления. Он бросил свои лучшие силы на отслеживание этих распроклятых коротышек, умудрявшихся с непостижимой ловкостью обходить самые хитроумные ловушки и запоры! Его люди накрыли двергов с поличным при попытке вывезти награбленное за пределы города! Предотвратили ограбление городской казны шайкой Назирхата уль-Вади – между прочим, одной из наиболее опасных, прикончив ее вожака!..

А потом какой-то юнец, ровным счетом ничего не понимающий ни в сыском деле, ни в политических хитросплетениях, осмеливается раскрывать свой рот и тявкать, обвиняя Верховного Дознавателя во всех мыслимых и немыслимых преступлениях!

Что самое досадное, дружная парочка до поры до времени пребывала в полной безнаказанности. Любые причиненные им неприятности обращались сугубым неудовольствием хоть и одряхлевшего летами, но все еще грозного Аземы Тавилау, главы Гильдии Антикваров, обладателя второго или третьего по величине состояния в Шадизаре. Младшие Тавилау сидели у Рекифеса в самых печенках, но достойный человекоохранитель даже не рискнул потребовать от них прибыть на улицу Ратай, где находились казармы Сыскной Когорты, не говоря уж о том, чтобы прислать за ними отряд вооруженной гвардии.

Вместо этого, скрепя сердце и скрипя зубами («Говорила мышка кошке – заходи на огонек...»), Верховный Дознаватель пригласил свою головную боль в ближайшее же время нанести приватный визит в некий дом в конце улицы Изис на границе зажиточного квартала Ламлам. Таковой дом являлся казенным владением Немедийской короны и отводился для проживания Его светлости, но Рекифес вспоминал о его существовании не чаще чем раз в седмицу, а навещал и того реже.

* * *

– ...Ваша светлость, гости прибыли, – вкрадчиво сообщил слуга-кофиец, возникнув из ниоткуда рядом со столиком. – Прикажете впустить?

– Прикажу, прикажу, – буркнул Рекифес. – Проводи их сюда. Да принеси еще вина.

Слуга удалился, кланяясь.

Немедиец мрачно покосился ему вслед. Выгнать бы мерзавца, подумал он. Наверняка ведь ворует. Вон как двигается – ни одна половичка не скрипнет. И ловок, должно быть, что твоя кошка... Все воруют. Одно жульё вокруг. Что делать честному человеку, потомственному немедийскому дворянину, в городе, где одна половина населения ворует у другой?.. Мысли

Дознателя двинулись было вновь по привычному кругу, но тут на веранде появились долгожданные визитеры, а пустой графин на столе сменился полным.

Адриеш оказался красивым юношей, как две капли воды похожим на Старшего Тавилау, каким тот был, наверное, лет с полста тому – хорошо сложенным, рослым, с густыми черными кудрями и с постоянной полуулыбкой на губах. Выражение его лица будто говорило собеседнику: «А я про тебя кое-что знаю!» Одет он был броско, богато и по последней столичной моде, так что молчаливая, худощавая и скромно одетая Юнра рядом с братом казалась совершенно невзрачной. На увещевания Рекифеса Адриеш отвечал уверенно и напористо, а затем и сам перешел в атаку – должно быть, знал, что нет обороны лучше нападения.

Чем дальше, тем больше Рекифес терял терпение. Этот тип людей был хорошо знаком и неприятен многоопытному немедицу: самовлюбленный мальчишка, полагающий, что весь мир обязан крутиться вокруг него одного. Адриеш слишком явно гордился своим умом и проницательностью, а еще того пуще – состоянием своего отца (в котором, если разобраться, у сына не было ни малейшей заслуги). К тому же его обманчиво вежливый тон содержал столько скрытого ехидства, что в конце концов изначальное намерение Верховного Дознателя сохранить спокойствие испарилось начисто.

Он прервал нахального юнца посередине очередной язвительной фразы самым незамысловатым образом – грохнув кулаком по разбросанным на столе экземплярам «Вестника». Оба Тавилау, подскочив от неожиданности, в испуге воззрились на немедица.

– А теперь послушайте меня внимательно, *ваша светлость*, – в эти два слова Рекифес влил столько яду, что достало бы отравить быка: семейство Тавилау, будучи лишь купеческим домом, не имело прав на дворянский титул. – Хватит болтать попусту. Если по молодости лет вам не хватает своего ума, чтобы представить последствия своих выходов, так я вам скажу. Прямо и грубо, как подобает тупому солдафону – я ведь, по-вашему, таков? Так вот: вы распускаете гнусные сплетни о представителях городской знати, об уважаемых семействах...

– Это не сплетни! – перебил разом побледневший юноша.

– Если это правда, будь любезен представить доказательства! – рявкнул немедиц, окончательно плюнув на условности. – А пока все вот это, – Рекифес сгреб пачку «Вестника» и потряс бумажным ворохом перед носом отшатнувшегося студиязуса, – ничем не отличается от похабных рисунков на заборе! «Городской Совет страдает слабоумием», каково? «Аристократка участвует в ритуалах чернокнижников», полный вздор! Или «советник Арлин тайно посещает бордель для мужеложцев» – ты его там видел, в этом борделе?! Может, свидетелей приведешь?! Я тебе говорю: если вы не угомонитесь, ты и твоя сестрица, у Дома Тавилау будут большие неприятности! Хочешь восстановить против себя всю городскую Управу и весь квартал Ламлам? Хочешь разорить свою семью бесконечными судами? Ну так разоришь! Это во-первых, а во-вторых...

– Но ведь... – заикнулся Младший Тавилау. Рекифес не дал ему и рта раскрыть.

– ...а во-вторых, почтенный месьор Тавилау, вам и этого мало, как посмотрю. В последнее время взяли за немедицкого наместника, за Сыскную Когорту и за некоего Рекифеса Рендера лично. Так вот, сынок, я тебе напому «Уложение о вышестоящих», разделы пять и шесть, а еще – «Об оскорблении власть предержащих словом либо делом»... на первый раз замеченные в клевете на власть получают тюремное заключение либо платят большие деньги отступного, а на второй присуждаются к прилюдному бичеванию и седмице у позорного столба... Что, пробрало? Да-да, бичевание и позорный столб, и замена наказания денежным штрафом не допускается!

Адриеш вдруг вскочил, опрокинув кубок, всхлипнул и опрометью бросился прочь с веранды.

Давно уже месьор Верховный Дознаватель не испытывал такого мстительного удовлетворения. Проводив взглядом мелькнувшую в саду фигуру, немедиец твердой рукой наполнил свой кубок и с наслаждением выпил до дна.

– Месьор Верховный Дознаватель...

Сестра Адриеша, Юнра, не улизнала следом за нахальным братцем – по-прежнему сидела напротив Рекифеса, выпрямившись и чинно сложив руки на коленях. С самого появления в доме она впервые подала голос, и Рекифес взглянул на девушку пристальнее.

– Ну? – не очень-то вежливо буркнул он.

– Извините моего братца, – Юнра подумала и добавила почти умоляющим тоном: – Пожалуйста. Я его сколько раз предупреждала: осторожнее в высказываниях. Он слишком привык к вольности рассуждений Обитателя Мудрости. Вдобавок вы просто ему не нравитесь, месьор Рендер. Адриеш терпеть не может, когда ему начинают приказывать, что делать и как поступать. Он и «Вестник» придумал исключительно ради того, чтобы насолить вам и Когорте в вашем лице. Но, если хотите знать мое мнение... – она сделала паузу, вопросительно косясь на Рекифеса, отделенного от нее простором стола.

– Хочу, – сказал немедиец.

– За десять лет я успела повидать пятерых ваших предшественников, присланных сюда из Бельверуса, – осторожно начала девица Тавилау. – Двое незамысловато спились. Третий проворовался так, что это было чересчур даже для Шадизара, четвертый предпочитал ни во что не вмешиваться. Целыми днями сидел на этой самой веранде и глядел на улицу. Последний, тот, которого сменила Ваша светлость, исчез. Вышел вечером из Управы и сгинул без следа. Все они сразу же невзлюбили это место – в точности как вы. Но никто из них не пытался что-то изменить – и этим вы от них отличаетесь. Знаю, такой замысел, переделать Шадизар, кажется изначально обреченным на провал. Но ведь можно хотя бы попытаться... Мы – я, Адриеш, наши друзья – очень любим наш город, хотя он порой смахивает на садок со змеями. И если бы мы могли чем-то помочь...

– Благодарю, вряд ли, – отмахнулся месьор Рендер. Впрочем, суровый немедиец не мог не признать, что проникновенная речь девицы Тавилау весьма польстила его самолюбию. – И все-таки, госпожа Тавилау...

– Просто Юнра, – девица на миг наклонила головку с гладко причесанными светло-каштановыми прядями. Она не носила ни длинных тяжелых серег, ни золотых ожерелий и браслетов, больше смахивающих на драгоценные кандалы, ограничившись незамысловатыми янтарными бусами.

– ...и все-таки, Юнра, затею с изготовлением «Вестников» придется прикрывать.

– Совсем? – жалобно пискнула Юнра.

– Совсем, – непререкаемо изрек Рекифес. Девица уныло вздохнула. – И вдобавок по истечении этой седмицы сундуки вашего папеньки оскудеют на сотню импералов – за словесное оскорбление служителей власти, «Уложение о вышестоящих», раздел пятый и шестой. Закон есть закон, понятно? Надеюсь, после такого кровопускания почтенный Азема растолкует своему сынку, что здесь ему, умнику, не Аквилония.

– Платить будет Адриеш, – отрицательно помотала головой Тавилау-младшая. – Отцу вовсе необязательно об этом знать. Я прослежу, чтобы Адриеш заплатил из своих средств, а не запускал руку в семейные накопления. Скажите, если брат не расплатится, его отправят за решетку, да?

– Учитывая происхождение и то, что прежде он ни в чем не обвинялся... Посидит седмицу в Алронге. Но я сомневаюсь, что до этого дойдет, Дом Тавилау не допустит такого скандала... А жаль, парню пошло бы на пользу. Что касательно помощи... – он призадумался.

В самом деле, чем может помочь Сыскной Когорте семейство Тавилау? Разве что золотом да еще пересказом того, о чем поговаривают в богатых домах квартала Ламлам. Или докла-

дами о том, какие новые товары, не имеющие печати Таможенной Управы, появились на Пергаментной Аллее... но ни Юнра, ни ее братец доносить, конечно же, не станут. Рекифес был более чем уверен, что контрабанда редкостей приносила Дому Тавилау определенный доход. С другой стороны, не так уж часто представители знатных семейств столь открыто и искренне предлагают свое содействие... Престиж городской стражи в последнее время весьма невысок...

– Городская стража уже давно стала всеобщим посмешищем, – то ли девица Юнра умела читать мысли, то ли размышляла о схожих вещах. – Вот если бы вы совершили нечто такое, что встряхнуло бы весь город... Заставить их если не доверять Когорте, то хотя бы испугаться и задуматься, прежде чем совершить что-то противозаконное? Мы могли бы написать про вас в «Вестнике», подробно, от начала до конца. Восстановить ваше доброе имя... о вас заговорят с уважением...

– О нас и так говорят, – пробормотал Рекифес, – только слушать такое неохота... И что же ты собираешься описывать, чтобы «восстановить имя»?

– Ну, к примеру... Слухи о двергских сокровищах – правда? – оживилась Младшая Тавилау. – Вы поймали этих вороватых гномов? Что с ними случилось – я имею в виду и коротышек, и добро, которое они прикарманили? Можно начать хотя бы с этого...

Едва не подавившись глотком вина, Рекифес вскинул ладони в протестующем жесте. Верховному Дознавателю отнюдь не хотелось, чтобы некоторые подробности этой странной истории стали всеобщим достоянием. К тому же толком он ничего и не добился – двергов, сопровождавших памятный караван, пришлось отпустить, и они укрылись за надежными воротами квартала Чамган. Единственный уличенный виновник, дверг по имени Альбрих, в суматохе куда-то сгинул. Стража на трех городских воротах клянется всеми богами и могилами любимых бабушек, что мимо них гном с определенными приметам не проскакивал...

Должно быть, судьбе показалось, что Рекифес Рендер и госпожа Юнра Тавилау не дали себе труда как следует задуматься – и судьба в кои веки пошла им навстречу.

* * *

Судьбоносный намек первым заметил господин Дознаватель, случайно взглянувший на улицу и озадаченно нахмурившийся. У покосившейся калитки перед входом в его жилище неизвестно откуда появился паланкин – с тисненными кожаными занавесками, запряженный двумя породистыми мулами и сопровождаемый четверкой громил чрезвычайно мрачного и целеустремленного вида. Управлял мулами некий смутно знакомый Рекифесу тип: тощий пронырливый парень, смахивающий на хорька в человеческом обличье. Впрочем, сравнение с лисицей подошло бы ему больше – у молодого человека были длинные рыжие лохмы, выгоревшие на солнце до песочного цвета и увязанные на затылке в пышный хвост.

Остановив упряжку точно напротив калитки, рыжий широким жестом откинул занавеску паланкина. На пыльные камни мостовой выпорхнула девица-служанка... а уж за ней с достоинством последовала хозяйка – некая особа, с ног до головы закутанная в покрывало бледно-кремового шелка.

– Это кто? – захолопала ресницами Юнра, приподнимаясь со своего табурета.

– Представления не имею, – рассеянно молвил месьор Рендер, думая отнюдь не о задрапированной в шелка даме, но о том, где же он мог видеть этого возницу с хитрой лисьей физиономией. Совсем недавно, дней пять тому или чуток побольше...

Гости приблизились к калитке, служанка что-то сказала сторожу, потрясенно вытаращившему глаза и попытавшемуся взять «на караул», когда дама и двое ее сопровождающих проходили мимо. Паланкин и телохранители остались дожидаться возвращения госпожи на

улице, а та невозмутимо прошествовала по вымощенной красным гравием дорожке, поднялась на крыльцо и остановилась, обеими руками откидывая с лица шелковую ткань.

Девушка Тавилау слабо ойкнула, а Верховный Дознаватель на пару ударов сердца потерял дар речи. Нужно и в самом деле быть полным болваном, чтобы после единственной встречи не сохранить образ этой великолепной женщины в самом потаенном уголке сердца.

Высокая и стройная, с правильными чертами лица и широко поставленными серо-голубыми глазами, хранившими рассеянно-вежливое выражение, она была безупречна и совершенна – от кончиков ухоженных розовых ногтей до тщательно уложенных крупными волнами и перевитых жемчужными нитями локонов сочного пшеничного цвета. Клелия Кассиана дия Лаурин, красавица-аристократка из блистательной Ианты Офирской, даже искушенному взгляду представляла кем-то вроде спустившейся с небес на землю богини. И почти каждый житель Столицы Воров, кому довелось взглянуть на прекрасную офирку хотя бы мельком, немедленно задавался вопросом: во имя Единого, что делает это дивное создание в нашем захолустье?!

Тем не менее, офирская графиня жила в Шадизаре уже не меньше луны, преспокойно вмешиваясь в местные дела и заводя весьма странные и неподходящие для особы ее положения знакомства. Рекифес уже сталкивался с ней, на Воловье площади у стен тюрьмы Алронг, где по милости госпожи графини сорвалось показательное наказание изловленных злоумышленников. Ей позарез требовалось вернуть свободу какому-то юнцу с Полуночи, и она своего добила – правда, вместе с улизнувшим мальчишкой удрало еще не меньше десятка тех, кто вполне заслуживал казни через повешение.

– Госпожа Кассиана, – Рекифес вновь обрел дар речи, заодно вспомнив о правилах хорошего тона и о том, что надо бы встать. Украдкой он покосился на Юнру Тавилау – восхищенная девчонка зачарованно таращилась на офирскую гостью и уходит отнюдь не собиралась. – Вам повезло, что вы меня застали. В этом доме я бываю нечасто... наверное, кто-нибудь подсказал?

– Ах, вижу, вы меня не забыли, месьор Рекифес, – ясные очи красавицы подернулись мечтательной поволокой. Клелия невозмутимо опустилась в свободное кресло. Следовавшие за ней рыжий парень и тоненькая глазастая девушка с каштановыми косами, похожая на уроженку Полуденного Побережья, остались стоять, скромно отойдя на пару шагов. – Вы правы, нашли добрые люди, подсказали, где вас найти. Мы сперва приехали к Дознавательной Управе, там сказали, что вы у себя дома, и мы отправились сюда... Спасибо, милейший.

Последнее относилось к прислужнику, притащившему серебряный поднос с чашами и пялившемуся на госпожу Кассиану, ровно на земное воплощение божества.

Дознаватель, рассеянно взявший бокал, с удивлением обнаружил в нем «Золотую лозу Либнума» – не менее двух ауреев за кувшин, да и то если места знать. Не иначе, слуги расщедрились за его счет. Впрочем, ради Клелии дия Лаурин самый прожженный убийца расстелился бы ковриком – а ей не пришлось бы даже мизинцем пошевелить.

– Чем обязан столь неожиданному визиту? – светски поинтересовался немедиец. – Кого спасаете на сей раз?

– На сей раз никого не спасаю, – госпожа графиня чуть пригубила из кубка, вежливо сделав вид, будто не замечает блеска латуни, нахально просвечивающей из-под фальшивой позолоты. – Скорее, месьор Рендер, наоборот. Разыскиваю преступников ради справедливого возмездия.

Упоминание о мести и госпожа Клелия Кассиана так же не вязались между собой, как наемная плакальщица и свадебная церемония. Рекифес поднял бровь, демонстрируя крайнюю степень изумления. Девушка Тавилау вовсе целиком обратилась в слух, одновременно стараясь стать как можно незаметнее.

– Я разыскиваю человека или людей, седмицу назад разгромивших и сжегших постоялый двор... как его... – Клелия нетерпеливо щелкнула пальцами.

– Таверна «Уютная нора» в Третьем Обманном переулке квартала Нарикано, принадлежавшая Лоркане Бритунилке, – вполголоса подсказал рыжеволосый молодой человек.

Вот теперь Рекифес его припомнил. Хизуне или как-то в этом роде. Изготовитель фальшивых документов, входивший вместе со своей подружкой в маленькую шайку, обитавшую в этой самой таверне. Точно, седмицу назад Дознаватель самолично посетил закопченные руины постоянного двора, равнодушно поразившись ничем не оправданной жестокости налетчиков.

Безобидную (по сравнению с прочими бандами) шайку из «Уютной норы» вырезали почти полностью. Нападавшие не оставили после себя ни свидетелей, ни следов. Появились, сделали свое дело и исчезли. Что случилось с уцелевшими членами компании, Рекифес не имел представления, но рыжий Хизуне – да нет же, его кличут как-то иначе! – сумел неплохо устроиться. Да еще, как пить дать, убедил новую покровительницу обратиться к властям за помощью в разысканьях неведомых убийц.

– «Уютная нора», – в задумчивости протянул месьор Рендер. – Где, помнится мне, никто ничего не видел и никто ничего не знает. Ты, – он ткнул пальцем в молодого человека, – как там тебя?.. Хисс? Так вот, ты ведь жил в этой «Норе», и я с тобой беседовал на следующее утро. Что ты тогда сказал, напomini?

– Я тогда не ночевал в таверне, – мрачно буркнул рыжий. – Когда прибежал утром, уже все закончилось, – он повернулся к своей госпоже: – Я ведь предупреждал, не станет он помогать. Кто мы – никто и звать никак.

– Там погибли невинные души, – в устах Клелии высокопарная фраза, обращенная к немедицу, прозвучала вполне естественно. – Например, девушка-предсказательница Феруза Кайлиени. Неужели ее безвременная и насильственная кончина не имеет в глазах закона никакого значения?

– Одной мошенницей стало меньше, – Рекифес увидел сдвинувшиеся брови госпожи графини и запоздало пожалел о своих необдуманных словах. Туранку Ферузу он знал – впрочем, ее знал или о ней слышал почти весь Шадизар. Девушка могла считаться живой редкостью, ибо в отличие от прорвы шадизарских лжепророков, гадалок и прочего шарлатанского сброда на самом деле обладала даром предвидения. Туранку прикончили по совершенной случайности – она стояла на улице, оказавшись на дороге у покидавших разгромленный трактир убийц.

Немедиц поспешно сменил тон.

– Ладно, прошу прощения. Лично мне очень жаль Ферузу... и ее погибших друзей тоже... но что я могу поделать? Я ведь не колдун, чтобы прочитать имя убийцы в воздухе.

– Почему Кайлиени? – робко подала голос забытая всеми Юнра Тавилау. – Ее полное имя – Феруза иси-Мансур-ат'Джебеларик, как принято в Туране. Мой отец и его компаньоны часто приглашали ее погадать, да я и сама тоже пользовалась ее услугами...

– За день до своей гибели она вышла замуж, – пояснил Хисс. – Её безвременно овдовевшего супруга зовут Аластор Кайлиени.

– Феруза вышла замуж за Аластора?! – личико Младшей Тавилау в точности уподобилось мордочке гончей собаки, вставшей на еще теплый след добычи. – За того самого?.. – она осеклась, вовремя вспомнив, что находится в обществе Верховного Дознавателя Заморийского протектората.

– Именно что за того самого, – с мрачным удовлетворением подтвердил Рекифес. – Эта невинная душа согласилась стать женой взломщика по кличке Дурной Глаз, которого уже лет пять или шесть упорно разыскивают в Зингаре, Аргосе, Офире, Аквилонии и Немедии, не говоря уже о странах поменьше. Совершенно не удивлюсь, если его не любят также в Стигии, Дарфаре и Пиктских Пустошах – красавчик не погнушается спереть даже любимый фетиш пиктского шамана, если в том фетише будет хоть пол-унции золота... Кстати, Хисс, куда эта живая легенда подевалась после похорон своей якобы благоверной, уж не знаю, которой по

счету? Заливает горе в «Коринфских садах» или приглядывается к чьей-нибудь сокровищнице?

Хисс прикинулся глухим на оба уха и немым от рождения, но Клелия Кассиана показала скрытые до поры коготки. Ее голос стал холоднее льда на вершинах Карпашских гор:

– Не «якобы благоверной», месьор Рендер, постарайтесь усвоить это получше. Мой старый друг Аластор и девушка Феруза состояли пускай в кратком, но законном браке. И, между прочим, он крайне подавлен этим печальнейшим событием!

– Если мне повезет узнать, где он скрывается, я принесу ему соболезнования по поводу утраты, – хмыкнул Верховный Дознаватель. – Госпожа Клелия, постарайтесь меня понять – такому типу, как ваш дружок Дурной Глаз, место только за решеткой, как бы симпатичен лично вам он не был. Буду только рад, ежели его подавленность обернется решением убраться из Заморы, а еще лучше – подыскать себе иное ремесло.

– Значит, вы отказываетесь исполнять свой долг и разыскивать убийц? – ровным, не предвещающим ничего хорошего тоном произнесла графиня Лаурин.

– Всему свое время, – отрубил Рекифес. – У Дознавательной Управы есть заботы поважнее, чем погром в завшивевшем кабаке. Я, конечно, могу отрядить туда двоих-троих своих людей, пусть посмотрят, расспросят соседей... Может, спустя несколько дней кто-то что-то вспомнит. Скажем, подозрительных незнакомцев, шаривших вокруг постоянного двора...

Клелия резко поднялась, зашуршав шелками, и тут на редкость вовремя встряла Юнра:

– Послушайте, ведь это и есть тот самый подходящий случай!

– Какой случай? – непонимающе переспросил месьор Рендер.

– Случай для того, чтобы поднять авторитет Сыскной Когорты! – девица Тавилау выбралась из-за стола и торопливо заговорила, помогая себе быстрыми взмахами рук: – Да, само по себе убийство Ферузы Кайлиени ничего не значит... Кроме того, что ее весьма многочисленные знакомцы очень и очень огорчатся. Но если будут найдены виновные и это сделает Когорта... Мы изложим историю поисков в «Вестнике» и...

– И твои приятели весьма позабавятся, читая ее на сон грядущий, – перебил Рекифес. – Ваш «Вестник» не выходит за пределы гостиных в Ламламе. Вот если бы... – какая-то обособленная часть его разума привычно защелкала, соединяя одно с другим и выстраивая стройной цепочкой. – Госпожа Кассиана, не спешите обливать меня презрением. Дадите денег?

– Сколько, кому и зачем? – немедленно откликнулась блистательная офирская графиня.

– Для начала – вот этой вздорной девице. Это Юнра Тавилау, дочь почтенного Аземы Тавилау, вы должны его знать, – Дознаватель запоздало представил женщин друг другу. – Юнра и ее братец творили вот эту гадость, – он хлопнул ладонью по расстеленному на столе листу «Вестника». – Больше творить не будут...

– Но... – пискнула Юнра.

– ...не будут, говорю. Но напоследок два десятка писцов, которые сейчас под крышей особняка Тавилау понапрасну переводят время и пергамент, напишут по меньшей мере сотню небольших листков с одной-единственной фразой: «Щедрое вознаграждение любому, кто знает что-то о нападении на таверну „Уютная нора“. Слова „щедрое вознаграждение“ в этой дыре понимают даже неграмотные. Те, кто отправится развешивать эти листки, растолкуют зевакам, куда приходиться и кого спрашивать. Громко растолкуют. Дня через три слух разойдется по всему городу, особенно если кое-кто привлечет своих знакомцев, – Рекифес многозначительно покосился на хмурого Хисса и озадаченную Юнру. – К вам потянутся люди. Большой частью всякий сброд в надежде поживиться на дармовщинку, но среди них наверняка отыщется пара-тройка тех, кто на самом деле что-то видел, слышал, знает... Полагаю, вы отыщете способ отделить пустой песок от подлинного золота?

– Отыщу, – прекрасная офирка в задумчивости повертела в пальцах кубок. – Способ я, конечно, отыщу, но... Месьор Рендер... разве это не ваше дело – искать преступников и

допрашивать свидетелей? Почему «всякий сброд» повалит *ко мне*? Почему не к вам в Управу? Если дело только в деньгах, назовите сумму...

– Вы уж не обессудьте, госпожа Клелия, но именно к вам, – покачал головой немец. – Если пустить слух, что вознаграждение дает Рекифес Рендер, а для беседы приглашает в Управу, то я успею состариться в ожидании первого свидетеля. Подозреваю, скорее в пустыне расцветут сады, чем хоть один из жителей этого проклятого богами городишки по доброй воле свяжется с моей Сыскной Когортой... Впрочем, обещаю, что и я не буду сидеть сложа руки. Просто у меня свои способы. Сперва мы сделаем вот что...

* * *

– Мельница слухов крутится медленно, но перемалывает все, – высказалась госпожа Клелия, когда дом в улице Изис скрылся за поворотом. – Странно, почему мы сразу об этом не подумали? Господин человекоохранитель прав: в большом городе нелегко сохранить что-либо в тайне, слишком много вокруг внимательных глаз и любопытных ушей. Я верно рассуждаю, Хисс?

– Совершенно верно, госпожа Клелия, – рассеянно откликнулся рыжий мошенник, думавший о чем-то своем. Он шагал слева от паланкина, придерживаясь рукой за деревянный брус. – Теперь хорошо бы еще среди всех этих глаз и ушей сыскался один болтливый язык. Да чтоб болтал по делу. Да еще неплохо бы познакомиться с таким чудом прежде, чем этот язык отрежут.

Леди Кассиана и ее горничная Лиа Релатио устроились на своих местах внутри паланкина, слегка потеснившись, чтобы дать место Юнре Тавилау. Последней место в экипаже мило-стиво предложила сама госпожа Клелия – ибо невместно девице из знатного дома ходить по городу пешком и без охраны, а между тем ее бежавший братец исчез вместе с фаэтоном. К тому же дамы собирались обсудить наедине кое-какие подробности предстоящей затеи.

Занавеска пребывала откинутой, поскольку госпожа желала поговорить. От мрачного пророчества Хисса по прекрасному лицу офирки пробежала тень недовольства, Юнра улыбнулась, что же до Лиа, то смешливая горничная только фыркнула в ответ.

– Один такой язык я знаю, – сказала она. – Змеиный такой, раздвоенный. Болтает не переставая, хоть и не по делу. Может, потому до сих пор и не отрезали?

– Спасибо тебе, милая, – буркнул Хисс Змеиный Язык. – Всегда знаешь, чем порадовать.

– Кстати, Хисс! Куда подевались твои приятели? – мысли Клелии Кассианы стремительно перескочили на другой предмет. – Шелам и второй, этот забавный мальчик-варвар, вы еще прозвали его Малышом?

– По правде говоря, не знаю, – Хисс ощутил нечто вроде легкого укора совести. Ши Шелам и неразлучный с ним Малыш как в воду канули, а он был слишком занят собственными делами и горестями, чтобы интересоваться участью друзей.

– Найди их, – приказала Клелия. – Узнай, чем они заняты. Возможно, они тоже захотят участвовать в наших поисках. Можешь отправляться прямо сейчас, – она сделала быстрый и легкий жест кистью, словно отталкивая нечто невидимое. – Ступай, но постарайся вернуться к вечеру.

Маленькая процессия отбыла, держа направление к богатому постоялому двору «Рубиновая лоза», где временно поселилась графиня дия Лаурин, и Хисс махнул на прощание высунувшейся из паланкина Лиа. Юнра и госпожа Клелия уже принялись что-то горячо обсуждать. Змеиный Язык был уверен, что Младшая Тавилау быстро найдет общий язык с офирской

гостей, вот только замысел их никуда не годился – по причинам, о которых Хисс пока предпочел бы умолчать.

Молодой человек в задумчивости потоптался на краю пыльной мостовой, выложенной потрескавшимися плитами. При последней встрече Ши и Малыш располагали довольной кругленькой суммой в офирском серебре, а крышу над головой им бралась предоставить Деянира Эйтола, приятельница Малыша. Всего две седмицы назад Диери пребывала в незавидной, но относительно прибыльной должности содержанки одного из городских Советников, Намира по прозвищу Племенной Жеребец. К большому сожалению девицы, ее покровитель не отличался ни щедростью, ни мягкостью нрава, и она не слишком горевала, когда в один прекрасный день Советник приказал долго жить. Намир поселил свою пассивность в зажиточном квартале Ламлам, в местечке, именованном Обителью Куртизанок. Если у троицы пока еще хватает средств оплачивать жилье, отыскать их не составит труда. За пару медных кафаров любой здешний побирушка или скучающий на углу стражник с готовностью укажет дом, где проживает некая девица Эйтола, а то еще и проводит до порога, дабы ищущий не заблудился.

Шагая по улицам Ламлама, Хисс размышлял о причудливых хитросплетениях судьбы, которая отнимает одной рукой, тут же даруя другой что-то взамен. Три года назад Хэлкарс Целлиг из Альстейна Немедийского – именно так звучало настоящее имя Хисса по кличке Змеиный Язык – умудрился из-за собственной глупости и жадности утратить принадлежавший ему по праву рождения баронский титул, место при дворе Бельверуса и расположение грозного Вертрауэна. Вместо этого он открыл для себя Шадизар с его сверкающей круговертью золота и обмана, свел знакомство с пронырливой шемиткой Кэрли, ставшей его подругой и верной напарницей, и нашел друзей там, где совершенно этого не ожидал. Шадизар и Хисс Змеиный Язык прижились друг другу по душе, а теперь неутомимая Кэрли и его добрые приятели лежат на Кладбище-под-Платанами, и он истинным чудом не разделил их судьбу.

Спрашивается, что последовало за этими трагическими событиями?

А то, что милейшая особа Лиа Релатио, с которой он недавно познакомился, внезапно прониклась к рыжему мошеннику самым искренним сочувствием. Собственно, два дня после бойни в Обманном переулке он безвылазно торчал у Лиа, утешавшей приятеля всеми доступными женщине способами. В конце концов девушка предложила Хиссу устроить встречу со своей госпожой – вдруг та согласится оказать ему покровительство? При одном условии: госпожа Кассиана желает знать все о служащих ей людях. Пытаться что-то от нее скрыть бесполезно, да и ни к чему. Госпожа прекрасно понимает, что в затруднительных положениях люди часто вынуждены совершать поступки, которых стыдятся впоследствии.

«Никто не безупречен», – поддерживая себя этим соображением, Хисс поведал Клелии Кассиане свою невеселую историю, честно признавшись, что подтвердить рассказ ему нечем, а поверить в эдакую повесть довольно тяжело. Выслушав, графиня Лаурин еле заметно скривилась, вздохнула и задала единственный вопрос: желает ли бывший немедийский барон восстановить свое доброе имя или его больше устраивает облик шадизарского жулика Хисса?

Вообще-то Хисс собирался произнести целую речь касательно своей пропащей судьбы. Мол, он приложит все усилия, оправдает доверие и далее до бесконечности, пока у Клелии голова кругом не пойдет от громких и ничего не значащих слов.

Вместо этого он устало брякнул: «Не знаю».

Такому ответу госпожа Кассиана почему-то обрадовалась, хлопнула в ладоши и заявила, что отныне он у нее на службе. В качестве кого – не имеет значения.

А на следующий день Клелия дия Лаурин загорелась идеей разыскать убийц, напавших на «Нору». Будучи не слишком искушенной в тайных сторонах шадизарской жизни, госпожа Кассиана решила прибегнуть к помощи закона – несмотря на отговорки Хисса и старшего над ее охранниками, Рейфа. Последний отлично понимал, что так дела в Шадизаре не делаются, но возражать хозяйке не посмел.

Что ж, чего-то госпожа Клелия добилась. По крайней мере, глава Дознавательной Управы сулился помочь – если ему ткнут под нос улики и свидетелей. Сам Хисс предпочел бы обойтись без участия Сыскной Когорты... но, с другой стороны, ловить рыбу в мутной воде куда как сподручнее.

Теперь бы еще отыскать Ши и Малыша, да потолковать как следует...

* * *

Домик, где проживала Диери Эйтола, удалось отыскать довольно быстро – маленькое двухэтажное здание, выкрашенное в светло-желтый цвет, пряталось в тени слегка увядших из-за летней жары чахлах осокорей. Хисс уже собирался подняться по вытершимся ступенькам, когда до его ушей долетел призывный посвист, а из проулка за домом высунулась до боли знакомая физиономия и замахала руками. Уцелевшая часть теплой компании из «Уютной норы» стояла в проулке, созерцая, как двое возчиков с величайшей неторопливостью взваливают на запряженную унылым пегим мерином подводку здоровенные сундуки.

Диери, Ши и Малыш – все в добром здравии. Если первые двое представляли наитипичнейшими уроженцами города у подножия Карпашских гор, то Малыш, сам того не желая, умудрялся привлечь на себя внимание в любой толпе. Долговязая – и обещающая в ближайшем будущем вытянуться еще по меньшей мере на четверть локтя – обманчиво неуклюжая орясина шестнадцати лет, с вечно взъерошенной гривой черных волос и настороженно-изучающим взглядом ярко-синих зрачков. Малыш, откликнувшийся еще на прозвище «Медвежонок», объявился в Шадизаре нынешней весной, придя откуда-то с Полуночи. Там он, собственно, и родился – в Нордхейме или еще каком забытом богами и людьми местечке, получив при рождении совершенно варварское имечко Конан. Мальчишка считался учеником и воспитанником шайки из «Уютной норы», но теперь ему, похоже, предстояло сделать первые самостоятельные шаги.

Вертевшееся рядом чернявое смазливое существо шемских кровей звалось Ши Шеламом или еще Ши Умелыми Ручками. Прозвище воришка честно заслужил, будучи мастером по опустошению чужих кошелев, присваиванию всего, что плохо лежит, и умельцем в сложном деле подмены на глазах у десятка свидетелей настоящих костей фальшивыми.

Третьей была сидевшая на низкой каменной оградке девица в лиловом платье, очень подходившем по цвету к ее глазам, и с прямыми бронзовыми волосами до плеч. Хисс пока так и не взял в толк, какие скрытые достоинства обнаружила Диери Эйтола в подростке-варваре и почему она до сих пор остается с Малышом. Вернись она в содержанки, ее жизнь – а также жизнь ее приятелей – стала бы куда легче и обеспеченнее.

Однако у Хисса хватало ума не задавать подобных вопросов – по крайней мере, в присутствии Конана, имевшего довольно своеобразные взгляды на женщин и их место в жизни. Не отличавшийся подобной сообразительностью Ши имел неосторожность дня три назад брякнуть подобную глупость, после чего на собственной шкуре выяснил, каковы ощущения птицы в полете. Варварский юноша шуток не понимал и руку имел тяжелую.

– Выставляют за неуплату или потребовалось освободить место для новой жилички? – осведомился Хисс, присаживаясь рядом с Диери.

Девица начала отвечать, но ее немедленно перебил Ши:

– Представляешь, эта жирная сволочь, в смысле домовладелица... Кстати, где тебя носило? Как поживает несравненная Клелия?.. Так вот, эта жаба – домовладелица, не Клелия! – на днях заявила мне прямо в глаза: мол, у нее приличный дом, а не вовсе не притон какой-нибудь, хотя всем отлично известно...

– Ши, заткнись, – Конан, помогавший возчикам перевалить через низкий бортик особо тяжелый сундук, неторопливо подошел к приятелям. Как ни странно, Ши Шелам действительно заткнулся, причем сразу и даже без подзатыльника. – Привет, Хисс. Давно тебя видно не было.

«Власть переменилась, – с легким смешком подумал Хисс. – Да и Малыш буквально за несколько дней здорово изменился. Повзрослел, что ли? И раньше-то смешлив не был, а теперь и вовсе лицо будто каменное... ну да с такими делами не только повзрослеешь за пару дней, но и поседеть успеешь...»

– Это все из-за Ши, – обиженно пожаловалась Диери, получив возможность говорить. – Мы могли и дальше жить тут припеваючи, денег хватало, но когда он начал одну за другой притаскивать сюда своих подружек...

– Что в этом такого? – немедля взвился карманник. – Не в подворотне же нам устраиваться! Называйте вещи своими именами – если это дом свиданий, то я имею полное право устраивать в нем встречи... лично для себя.

– Но хозяйке-то ты не платил, – язвительно напомнила Диери Эйтола. – О чем тебе многократно напоминали. В последний же раз Ши перешел все границы – пригласил на огонек еще и парочку приятелей с их девицами! Они устроили тарарам на полквартиры, госпожа Мрида пригрозила кликнуть стражников, а поскольку кое-кому в тот миг было море по колено...

– Мы всего лишь самую малость повеселились, – с видом оскорбленной невинности отмахнулся Ши. – И что бы не утверждала эта корова Мрида, я был трезвее митрианского жреца на проповеди! Что же касается моих приятелей, этих честнейших и уважаемых в воровском кругу людей, которым я должен сорок монет за...

– Ши, заткнись, – хором сказали Хисс и Диери.

Ши заткнулся. Вернее, перестал трещать. Однако эмоции в нем кипели, так что еще несколько ударов сердца воришка продолжал беззвучно шевелить губами, явно проговаривая до конца столь грубо оборванную речь. Тем временем возница на козлах гикнул, хлопнул кнутом, и груженная подвода неспешно поползла из проулка, переваливаясь на рытвинах. Трое приятелей и девушка двинулись следом.

– Короче, вас настойчиво попросили удалиться, – подвел итог Хисс. – Что ж, можно было ожидать. Куда теперь подадитесь?

– В «Змею и скорпиона», – уронил Малыш. – Тамошний хозяин сдает комнаты под жилье. Вернее, туда перебираемся я и Диери. Ши может катиться на все восемь сторон света. У нас в клане такого болтуна задушили бы в колыбели.

– Суровая жизнь, суровые обычаи, – хмыкнул Хисс. – И женщин своих они вырубали из камня и с ними же сочетались браком, а дети их, едва достигнув третьего года жизни, должны были голыми руками задушить пещерного медведя...

Ши заржал и заухал. Конан медленно повернул голову и одарил Хисса знакомым пристальным взглядом, не сулящим ничего хорошего.

– Это я про граскаальских двергов, – с невинным видом сказал Хисс. – Цитата из «Преудивительного путешествия по земле и под нею», автор Торстен Лукавый, двести лет книге. А ты что подумал?

– Кстати о двергах, – встрял Ши. Чернявый воришка явно не способен был молчать дольше тридцати ударов сердца. – С них ведь все и началось. Ну, вся эта история с отмычками... и с «Уютной норой»... Мы тут сообща подумали...

– Да ну? А вы и думать умеете? – по привычке съязвил Хисс, но тут же сам себя оборвал. – И что же вы надумали? – спросил он уже совершенно другим тоном.

– В общем-то, ничего особенного, – уныло развел руками шемит. – Просто на другой день после похорон поспорили крепко. Конан, видишь ли, вбил себе в башку, что должен отомстить! По обычаям и согласно традиции! Кровь невинных вызывает и все такое...

– Ши, – негромко и в сторону обронила девушка.

– А я что, я ничего... Да нет, я даже согласен! Нельзя это дело так оставлять... Но кому мстить-то? Где их теперь найдешь? Те поганые псы, которые «Нору» сожгли... они свое грязное дело сделали и растворились в городе, как пауки в камнях...

– Вот именно, – жестко и зло сказал киммериец. – И пока эти пауки где-то ползают живые, я спать спокойно не могу. И Райгарх не успокоится на Серых Равнинах. И...

– Мечь, – произнес Хисс, точно пробуя слово на вкус. – Знаешь, Малыш... – подросток нахмурился. – Ладно, уже не малыш. Так вот, Конан, ты в этом не одинок. Причем я даже не про себя говорю. Вернее, и про себя тоже, но – помните госпожу Клелию Кассиану из Офира? Так вот – она весьма заинтересована в поимке убийц. Мало того, намерена платить за сведения и любую помощь. Очень хорошо платить. Сыскную Когорту и грозного месьора Рекифеса она уже привлекла, теперь начинается охота на свидетелей.

– Когорту? – утекающим голосом вякнул Ши. Подобно тому, как некоторые люди не выносят запаха цветущих акаций или книжной пыли, карманнику делалось нехорошо при одном упоминании Дознавательной Управы. Он даже с шага сбился, остановившись посреди улицы. – Да вы что, с ума спятили? Мы и Когорта в одной упряжке? Отродясь такого не было, скорее уж небо на землю рухнет! Какие еще свидетели? Кто тогда жив остался – все лежали вповалку, и еще с колокол собственные имена вспоминали! Никто же ровным счетом ничего не видел, потом таверна запылилась...

– Послушай, Хисс! А ведь те, кто напал на «Нору», поначалу не хотели убивать, – неожиданно заявил Конан. Когда мальчишка волновался или стремился как можно точнее донести свой замысел до собеседника, он начинал говорить медленно, с резким гортанным акцентом. – Тем, кто ночевал во дворе, просто прогулялись дубинками по головам – чтобы не путались под ногами. Никого из жильцов тоже не трогали, пока Ар-Гийяд не схватился за меч и не бросился пластать врагов на кусочки. Они шли вовсе не за нашими жизнями. Им что-то другое было нужно. Что?

– Вот именно, – понизил голос Хисс, мельком поразившись способности подростка-варвара порой на удивление точно угадывать главное в разговорах и действиях. – *Что-то другое.* Вы до сих пор не догадались – что?

– Ой, мамочка моя дорогая... – довольно прозрачные намеки наконец-то пробились к цепкому, но безалаберному рассудку Ши Шелама. – Теперь ведь никак не проверить, уцелело там в руинах что-то или нет... Думаешь, они все унесли с собой – и книгу, и отмычки, и солнечный диск, и меч туранца?..

– Не сомневаюсь, – согласно кивнул Хисс. – И советую дружно поразмыслить вот о чем. Кто мог пронюхать о дивном собрании в нашей таверне? Зачем кому-то понадобились эти вещи? Есть ли способ вновь отыскать нашу добычу – а через нее и убийц, чтоб этим тварям в канаве сдохнуть? Вот что: сейчас вселяемся в «Змею и скорпиона». Все вместе. Изгнание Ши отменяется, равно как и его удушение в колыбели. О деньгах можно не думать, госпожа Клелия покроет все расходы. Нынешним вечером, как положено, отметим разом и новоселье, и встречу – а с утра... Нужно еще раз сесть, всем вместе, и подумать. Хорошо подумать. Не сомневаюсь, что-нибудь обязательно придумается.

– Так мы снова работаем вместе? – уточнил Конан, оживая на глазах.

– Опять одна банда, – кивнул Хисс Змеиный Язык.

– Вместе с Когортой? – недоверчиво спросил Ши.

– Если понадобится для дела – то и вместе с Когортой, – отрезал Конан. Немного подумал и добавил:

– Но лучше бы, конечно, без нее.

Глава вторая

Что сказал покойник

Короткий нож с диковинной поперечной рукояткой завис над раскрытым фолиантом. Медленно, словно через силу, опустился. Изогнутое лезвие надрезало пергаментную страницу у верхнего края переплета, аккуратно отделяя ее от соседок.

На подвижной физиономии Хисса появилось столь мучительное выражение, будто он добровольно отрубал собственный палец, а не вырезал пару листов из книги. В жизни рыжего мошенника имелась единственная искренняя привязанность – старинные редкие вещи, в особенности книги, – и потому он ощущал себя святотатцем, уничтожающим алтарь своего бога. Ши предложил избавить приятеля от неприятной обязанности, взяв ее на себя, но Хисс упрямо замотал головой. Замысел изначально принадлежал ему, значит, потрошение несчастной книги тоже должно лежать на его совести.

Подвергавшийся столь варварскому обхождению фолиант внушал почтение одним своим видом. Не меньше ладони толщиной, со следами былой позолоты на обресе, обтянутый потрескавшейся черной кожей с бронзовыми накладками на уголках. Накладки украшала чеканка – ромбические щиты и перекрещенные топорики на длинных рукоятках. Две стягивающие книгу застежки изображали приготовившихся к прыжку леопардов. Изготовили том лет пятьдесят назад, и он находился в весьма хорошем состоянии – если не обращать внимания на следы огня, немного подпортившего правую нижнюю накладку и углы примыкавших к ней страниц. Однако загадочный состав, изготавливаемый двергами, коим щедро пропитали стены и крышку некоего сундучка, не подвел, и содержимое тайника в саду сгоревшей таверны «Уютная нора» почти не пострадало.

Ши завладел извлеченной из книги страницей, повертел ее так и эдак, с любопытством рассматривая. Воришка умел немного читать и писать на распространенных в Заморе наречиях, однако устаревшей формой немедийского языка не владел. Он узнал начертания нескольких знакомых слов, но запутался, пытаясь прочесть и перевести хотя бы фразу. К тому же текст на пергаменте имел не совсем привычный вид. Размашисто выведенные строки наезжали друг на друга, кое-где красовались темные пятна клякс и наскоро выполненные рисунки – страшные морды демонов или отдельные части человеческих тел. Книга вышла не из мастерской переписчиков, но была собранием личных записей.

Хотя Ши Шелам не отличался большим суеверием, он испытывал настоящее желание вымыть руки всякий раз, как ему приходилось хотя бы ненароком притрагиваться к черному переплету в позеленевшей бронзовой оковке. Малыш, после того как ему растолковали содержание и смысл книги, наотрез отказался брать фолиант в руки. Единственным, кто считал диковинную книгу истинным сокровищем – пускай весьма порочным, темным сокровищем – оставался Хисс, сейчас с подлинными душевными мучениями вырезавший из нее третий по счету лист. И план по ее использованию, как уже упоминалось, тоже пришел в голову Змеинному Языку.

...Время шло, запущенная общими трудами мельница слухов крутилась, но перемалывать ей было нечего. Две сотни листков с заманчивым предложением гуляли по городу, красовались наклеенными на видных местах, чтецы пересказывали их содержание любому желающему – все тщетно. Обещанное Клелией Кассианой щедрое вознаграждение оставалось невостребованным, и госпожа графиня пребывала в полной растерянности. На ее глазах творилось истинное чудо: погром и убийства в таверне обошлись без единого свидетеля!

И однажды Хисс, взявший за правило коротать вечера в «Змее и скорпионе» в компании старых друзей, с досадой бросил: вот если бы заставить разговориться тех, кто напал на постоялый двор и погиб там! Мертвецы ведь так и остались валяться где-то под развалинами. Найти

бы, вытащить и допросить по всей строгости – кем ты был при жизни, недобрый человек, и с какой стати учинил смертоубийство с разбоем? Эх, жаль, я не некромант!

Практичный Конан в ответ на подобные рассуждения сплюнул. Диери невесело улыбнулась. Ши ударился в пространные рассуждения, доказывая, что большинство обитающих в городе «магов» – такое же жулье, как некий Хисс Змеиный Язык, продающий почти настоящие карты зарытых кладов времен Кхарийской Империи. Но даже если отыскать колдуна, готового всерьез взяться за подобный ритуал, они разорятся сами и разорят милейшую госпожу Клелию. Заклятия для общения с миром мертвых обходятся слишком дорого. К тому же в нынешние времена представители властей смотрят на практикующих некромантию ох как косо... Взять хоть того же Рилеранса: с одной стороны, если верить всезнающим сплетникам, маг куда как серьезный, а с другой – даже в славном Шадизаре, городе весьма вольных нравов, живет как мышь под метлой, не иначе остерегается власть предержавших...

Вот тут-то у Хисса, скорбно сидевшего в обнимку с пузатым кувшином «Драконьей крови», внезапно остекленели глаза, и рыжий мошенник молча воздвигся во главе стола, став предметом всеобщего внимания.

– Рилеранс! – значительно произнес он, уставив палец в потолок.

Повисло тягостное молчание, нарушенное ясным голосом Диери:

– Совсем упился.

– Трезв как стеклышко, – немедленно возразил Змеиный Язык. – Ри-ле-ранс!

– Трижды помянешь демона к ночи, и явится демон пред ясные очи, – буркнул Ши. – Что – Рилеранс? Денег тебе должен, что ли?

– Еще как должен! Еще какие деньги! – торжествующе возопил Хисс. – Все, считайте, что некромант у нас в кармане. Надо только наведаться к «Уютной норе» и пошарить в тайничке. Нет, по такому поводу стоит выпить! Как я мог забыть! Дневник Рюцилия-Людоеда! Рилеранс!..

После того, как кувшин с «Драконьей кровью» опустел, а Хисс, икая от выпитого и азартно сверкая глазами, изложил друзьям историю похищенных у мага раритетов и свой коварный план, их первоначальное недоумение уступило место бурному веселью.

– Хисс, ты неподражаем! – уверяла хохочущая Диери. – Обокрасть мага, а потом его же заставить отрабатывать собственное украденное добро! Трюк в лучшем духе славного Шадизара! Ты точно уверен, что твои дальние предки не были родом из квартала Нарикано, а?..

– Действительно неплохой план, Змеиный Язык, – сдержанно похвалил Конан, когда торги пошли на убыль. – Теперь осталось только решить, кто будет разговаривать с чернокнижником. Ты пойдешь один или прихватишь Ши на всякий случай?

Хисс едва не выронил кружку.

...Так или иначе, припрятанные до поры в тайничке фолианты, дней десять тому позаимствованные ради исполнения заказа Хиссом и Кэрли у практикующего магика Хоршемишской гильдии Рилеранса, покинули место своего хранения и оказались в комнатке на втором этаже постоянного двора «Змея и скорпион». Книг было пять, но подлинной жемчужиной среди них считался неведомо каким чудом уцелевший своеручный дневник Рюцилия из замка Шилале, более известного как Рюциль Людоед или Рюциль Чернокнижник. Именно оттуда Хисс с таким старанием вырезал страницы, долженствующие подтвердить существование книги, исчезнувшей из библиотеки чародея.

Однако идти к хоршемишскому магу и лично вести с ним переговоры Хисс отказался наотрез.

– Я еще не спятил, – отметал он любые уговоры приятелей. – А если меня там заметили и узнают? Вдруг этот колдун способен проникать мысли? По моему скромному мнению будет лучше всего, если туда ходит Конан.

– Угу, точно, – Ши глумился от души, маскируя нервозность весельем. – Даже если колдун читает мысли, он рехнется, пытаясь отыскать у нашего юного варвара хоть что-нибудь годное для прочтения. Зато Малыш будет на высоте – из лучших побуждений треснет хозяина дома мордой о стол, приговаривая что-нибудь о богопочитании и благолепии...

– Как скажешь, дорогой, – Хисс был сама любезность. – Значит, решено: к магии пойдешь ты.

– Почему – я?!

– Потому что, во-первых, ты сам напросился...

– Когда?!

– ...Только что. Во-вторых, из нас четверых ты наименее ценен для дела. В-третьих, у тебя есть удивительная способность, никогда прежде такой не встречал: можешь болтать день и ночь напролет, а толком ничего не скажешь. Ну, а если Рилеранс попробует залезть в твою голову, все, что он там отыщет, это вольный ветер да две-три мыслишки о жратве и девках из «Алмазного водопада».

– Да не хочу я туда идти! – припомнив гулявшие по Шадизару слухи касательно Рилеранса из Хоршемиша, Ши откровенно перетрусил.

– Может, и не придется, – Хисс со стуком захлопнул толстенный фолиант, лязгнув бронзовыми застежками. – Я придумал кое-что получше. В конце концов, когда это приманка ходила в логово льва? Нет уж, пусть зверь сам вылезет из норы... Где там этот наш гонец? Тащите его сюда, да побыстрее!

Три вырезанных страницы дневника Рюциля улеглись в плотный пергаментный пакет, завязанный для надежности суровой нитью и запечатанный кляксой зеленого сургуча. Компанию им составляло безукоризненно составленное послание, коим магу Рилерансу предписывалось на следующий день не позднее первого послеполуночного колокола появиться в таверне «Тоскующая сова» и ждать там за самым дальним столом слева от входа, пребывая притом в полном одиночестве.

Пакет вкупе с горстью серебра вручили одному из знакомцев Ши Шелама, слывшему парнем немного тугоумным, а потому надежным, и с полдюжины раз повторили несложное задание: дойти до улицы Кисиндо, отыскать дом мага Рилеранса, передать послание стражникам у ворот. Около дома по возможности не задерживаться, в разговоры с караульными не вступать, отдать – и сразу же делать ноги.

Гонец, надо отдать ему должное, отменно справился с данным ему заданием. Однако на завтра в условленное время Хисс и его приятели, приняв все мыслимые и немыслимые меры предосторожности, дожидались колдуна напрасно. План Змеинового Языка не сработал, зверь так и не покинул своего логова. Рилеранс не пришел.

Лишь когда хозяин «Тоскующей совы» начал поглядывать с явным подозрением на странных посетителей, мрачно дующих кувшин за кувшином дрянное слабенькое винцо, какой-то оборванец бросил на стол перед Хиссом клочок пергамента.

«Мне недосуг ходить по дешевым кабакам. Хотите говорить – приходите сами. Обещаю полную неприкосновенность. Не хотите – проваливайте к демонам».

– Что ж, – молвил с тяжким вздохом Хисс, прочитав послание мага, – этого я и боялся. А что делать? Придется идти.

* * *

Паланкин, на время одолженный Ши Шеламом у одного из многочисленных приятелей, при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж новым – здесь потрескался лак на перекла-

динах, там тисненные занавески украшала аккуратно наложенная заплата, тут напрочь оторвалась бахрома. Однако это был настоящий паланкин, пусть не такой роскошный, как у госпожи Клелии, со слегка облезшим гербом торгового дома Солнари, запряженный двумя философического вида мулами, казавшимися слегка траченными молью. Паланкин сопровождали погонщик и мальчишка, в чью обязанность входило бежать впереди, трясая потрескавшимся колокольчиком и разгоняя замешкавшихся прохожих. Диери пришла в восторг от возможности прокатиться по улицам родного города, как знатная дама. Хисс, критически осмотрев стоявшую во дворе таверны повозку, сокрушенно поцокал языком, но больше ничего не сказал.

...Возможно, Рилеранс из Хоршемиша и приготовился к приему гостей, но рассчитывать на хозяйское радушие этим гостям явно не приходилось – добро, если удастся уйти живыми, а если руки-ноги останутся в целости, то, считай, повезло. Именно об этом подумали Ши и Диери, узрев мрачные рожи охранников, отворивших на стук калитку. Хмурые верзилы со всей серьезностью выслушали заявление воришки о продаже старых книг, переглянулись и неторопливо принялись открывать ворота, впустив паланкин во внутренний двор.

Сопровождаемые одним из караульных, визитеры бодро прошагали по дорожке из красных и желтых плит через маленький опрятный садик к дому Рилеранса Кофийского. За входной дверью к их провожатому присоединились еще двое, зверовидного облика и с увесистыми дубинками на поясах. Прислужник, встретивший гостей первым, повел компанию в глубину дома сквозь лабиринт проходных полутемных комнат, заставленных дорогой мебелью; двое охранников, храня угрюмое молчание, замыкали процессию. Все это до того походило на арестантский конвой, что даже Диери отбросила напускную беспечность и теперь косилась по сторонам с откровенной опаской. Ши, всем затылком ощущая колючие взгляды костоломов-наемников, пытался считать повороты – на случай, если обратно придется удирать сломя голову. Правда, исход такого бегства был ясен заранее.

За очередной дверью тянулся узкий, полутемный коридор, завершавшийся полукруглой аркой, занавешенной тонкими серебряными нитями с нанизанными на них хрустальными шариками. Возле арки провожатый, мгновение помявшись, позвонил в болтавшийся на ободверине бронзовый колокольчик, и хрустальная занавесь раздвинулась сама собой. Открылась большая комната без окон, освещенная тусклым пламенем десятка бронзовых светильников, расставленных вдоль стен. Единственной мебелью в комнате был большой круглый стол из сандалового дерева да несколько кресел рядом с ним. С низкого сводчатого потолка, выкрашенного в густо-синий цвет и украшенным золотистыми искорками звезд, на тонких нитях свисали медленно поворачивающиеся вокруг своей оси чучела невиданных в природе зверей – крылатой ящерицы, кошки со скорпионьим хвостом и орлиноголового пса.

При виде сих тварей Ши заметно приободрился. Ткнув пальцем в ближайшее чудовище – ящера в полтора локтя длиной с широкими кожистыми крыльями – он подмигнул спутнице и начал тоном заправского знатока:

– Дешевка с Ишлаза! Втюхивается заезжим собирателям редкостей за пару империалов. Хороший чучельник сделает запросто. Берешь дохлого пустынного ящера и крылья летучей соба...

Шелест, будто распечатали колоду тарока, и пронзительный карк прервал его разглагольствования, заставив вздрогнуть. Дальний угол комнаты занимала большая, едва ли не в человеческий рост клетка из медных прутьев. На жердочке внутри, нахохлившись, восседала здоровенная птица – с виду похожая на сову, однако с оперением не в привычных пепельно-серых, но в черно-зеленых тонах. При звуках незнакомых шагов птица встрепенулась, открыв ярко-желтые круглые глаза и издав скрежещущий клекот. Почти одновременно, будто птичий крик послужил сигналом, в противоположной стене распахнулась низкая дверь, и Рилеранс Кофийский шагнул в комнату.

Сперва маг показался гостям настоящим гигантом – его фигура заполнила собой весь дверной проем, а чтобы не зацепиться за притолоку, Рилеранс вынужден был пригнуться. Но спустя пару мгновений, когда хозяин дома вышел к свету, Ши и Диери смогли разглядеть его получше. Колдун был невероятно долговяз и настолько тощ, что выглядел изможденным. Длинное, до самого пола, парчовое одеяние придавало ширины его костлявым плечам – алая ткань, густо затканная золотом, жестко топорщилась на сгибах. Он сильно сутулился, как всякий рослый человек, ведущий малоподвижную жизнь, и передвигался неспешной, величавой походкой, хотя величавость эту в равной степени можно было приписать как развитому чувству собственного достоинства, так и некоему скрытому заболеванию. Впрочем, вряд ли сыскался бы смельчак или глупец, рискнувший шутить над внешностью магика. С самого первого взгляда Рилеранс вызывал стойкое ощущение не то чтобы могучей силы, но скорее какой-то непредсказуемой опасности – словно смертельно ядовитая змея, затаившаяся промеж камней.

Шурша полами драгоценного одеяния, Рилеранс молча пересек комнату и уселся в одно из кресел. При этом колючий взгляд его глубоко посаженных глаз с набрякшими веками не отрывался от лица Ши, уже начинавшего чувствовать себя, как кролик перед голодным удавом. На красотку Диери магик даже не взглянул.

– Садитесь, – наконец сказал Рилеранс.

Голос у него оказался, как из бочки – глубокий и гулкий. На огромном черепе мага, гладко выбритом на туранский манер, невесть как держалась вышитая бисером плоская шапочка из черного бархата. В других обстоятельствах такой головной убор показался бы Ши Шеламу до чрезвычайности забавным и совершенно не идущим к внешности колдуна, но сейчас ему отчего-то было не до смеха. Поколебавшись, гости расположились в массивных креслах. Трое охранников безмолвными и неподвижными изваяниями застыли вдоль стен.

– Вы настаивали на встрече со мной, – сказал магик. – Что ж, благодаря некоему... кхм... весьма занимательному посланию вы добились своего. Кто вы и чего хотите? Будьте кратки, ибо мое время дорого.

Он потянулся и перевернул большие песочные часы, стоявшие посередине стола. Из верхней колбы в нижнюю потекла тонкая красная струйка.

Ши прокашлялся, точно оратор перед выступлением.

– Мое имя Ши Шелам, – начал он. – Впрочем, уверен, оно ни о чем не скажет вам, так же как имя моей спутницы. Зато имя почтенного Рилеранса Кофийского весьма известно... в узких кругах. Нечасто в наши дни в благословенном богами Шадизаре удастся сыскать магика, чье искусство – не просто приманка для простецов, но...

– Короче, – оборвал его маг, пальцами правой руки выбив нетерпеливую дробь по отполированной столешнице.

– Э... ну... – весь дипломатический талант Ши, способного заговорить зубы даже кое-кому из городских советников, пропадал втуне под тяжелым взглядом немигающих глаз колдуна. – Мы хотим нанять вас для выполнения... некой работы.

Под столом острый каблучок Диери, честно выполнявшей свою часть задания – строившей глазки хозяину дома, безо всякого, впрочем, успеха – вонзился в щиколотку Ши.

– Нанять *меня*? Вы? – магик трескуче рассмеялся. – Что ж... нанявшись мне в услужение лет эдак на десять, вы, может быть, сможете оплатить мою работу... а может, и нет. К услугам Рилеранса Кофийского прибегают «золотые пояса», и не так давно я отказал самому градоправителю – просто потому, что не имел желаний заниматься его вздорной просьбой. А вы... не нужна магия, чтобы опознать карманника средней руки и девчонку-содержанку.

Диери мгновенно убрала с лица сладкую улыбку и села прямо, чинно сложив руки на коленях.

– Я бы попросил... – слабо вякнул Ши.

– Ну попроси, – холодно бросил маг. Ши осекся. – Хорошо, раз уж вы здесь, я выслушаю. И если вы меня не заинтересуете, вас прогонят до ворот пинками. Теперь говори.

Чувствуя, как инициатива уплывает из его рук, Ши изложил суть дела – поначалу несколько сбивчиво, но в целом вполне кратко и толково. После того, как он закончил, в комнате надолго повисла тишина.

– Так, – наконец прервал молчание Рилеранс. Голос его звучал слегка придушенно, словно бы маг изо всех сил сдерживал ярость – впрочем, скорее всего так оно и было. – Так. Проще говоря, вы предлагаете мне провести некротический ритуал, за который меня ждет лишение патента, если узнают в Гильдии, и изгнание из города, если дойдет до Городского Совета. Более того, раз вы набрались наглости явиться ко мне, то твердо знаете, что я в силах этот ритуал провести. Нет, гнать я вас не стану. Я скормлю вас вурху, – кивок в угол, где стояла клетка с птицей, – кусочек за кусочком, притом живьем, если прямо сейчас вы не назовете мне убедительную причину, по которой я не должен так поступить.

Что ж, такой поворот беседы Ши предвидел заранее и заблаговременно приготовил достойный ответ. Стараясь ничем не выдать своего страха, он распустил завязки на принесенном с собою холщовом мешке, и на стол перед хозяином дома легла книга – толстый фолиант в обложке черной кожи, украшенной бляшками синего лазурита.

Сочинение с совершенно непроизносимым названием «Психургическая некромантия и обрядовая символика» явилось на свет лет двести назад из-под пера стигийского колдуна Аззорета. Как уверял друзей Хисс, это был подлинный раритет. Некоторые из охотников за редкими книгами не только прозакладывали бы душу, но охотно принесли в жертву своего первенца – только бы заполучить том в руки. Змеиный Язык расстался с «Некромантией и символикой» скрепя сердце, поскольку из четырех похищенных рукописей она была наименее ценной, а интерес к просителям требовалось подогреть еще чем-нибудь, помимо трех страниц дневника Рюциля.

– Это, скажем так, аванс, – сказал Ши, кивая на книгу. – Прочее, а именно дневник Людоеда, получите по завершении работы. А если ваша магичность решит покормить нашей брэнной плотью свою птичку, то спустя седмицу сами будете ворон кормить – месьор Рекифес некромантов не жалуется, одним изгнанием не отделаетесь...

Разумеется, колдун заинтересовался. Еще как заинтересовался. Сказать, что при виде книги Рилеранс переменился в лице, было бы слишком мягко – какое-то время казалось, что магия прямо на месте хватит удар. Рилеранс налился темной кровью, судорожно глотнул воздуха, затем побледнел, и из горла его вырвался сип:

– Откуда?..

– Н-ну... это долгая история, – скромно пожал плечами Ши, изобразив очаровательную улыбку, – я не смею утомлять вашу магичность ее пересказом...

Воришка остался несказанно доволен произведенным впечатлением. Впрочем, с первым потрясением маг справился довольно легко. Быстрым движением он подтянул «Психургическую некромантию» к себе, перевернул хрусткие страницы, убедившись в подлинности фолианта, и из-под бровей метнул в визитеров злобный взгляд, не сулящий ничего хорошего. Лицо его приобрело обычный оттенок, а голос зазвучал зловеще ровно:

– Впервые вижу безумцев, которые столь настойчиво ищут смерти. Где остальное?

– Понятия не имею, – с видом оскорбленной невинности Ши возвел глаза к потолку. – Откуда мне знать, почтеннейший...

И тут терпение Рилеранса лопнуло. Его большие ладони с узловатыми пальцами взметнулись над столом, изобразив некий сложный знак. В комнате явственно повеяло холодом, истошно заорал в своей клетке вурх, стражники вжалась в стены, а Ши со своей спутницей, не успев глазом моргнуть, оказались намертво прихвачены к своим креслам стальными обручами, вылетевшими из толстой обивки на уровне груди и над бедрами.

– Где остальное? – прогремел маг.

– А... н-ня... не знаю... – промямлил Ши. Слабым утешением мелькнула мысль, что, окажись на его месте хоть сам Кодо Ходячий Кошмар – больших авторитетов среди ныне живущих Ши по молодости лет не знал – так вот, даже и сам Кодо выглядел бы на его месте ничуть не лучше.

Рилеранс выкинул левую руку ладонью вперед, и Диери как-то странно прерывисто вздохнула, обмякнув в стальных зажимах, а Ши вдруг ощутил, как его прямо-таки распирает от желания говорить. Говорить правду, всю правду и ничего кроме правды. Рассказать все, что ему известно.

Вот только известно-то ему было немного. Изю всех намеченных визитов поход к Рилерансу справедливо полагался наиболее опасным. Четверо заговорщиков – Хисс, Ши, Диери и Конан – полночи сидели голова к голове, изобретая самые надежные способы обезопасить себя «в случае чего» и разыгрывая все возможные варианты развития событий. Поговорили на всякий случай и с Рейфом, старшим над телохранителями госпожи Клелии, да и саму Клелию не преминули поставить в известность о готовящейся сделке. В первую очередь обсуждалась самая очевидная опасность – Рилеранс как-никак был магом, и не из последних... а одно из первых простейших заклятий, коим обучают адептов в любых магических Школах, наряду с «Орлиным Глазом» и «Падением Пера», является заклятие Ключа, вынуждающее человека говорить истину.

Сейчас Рилеранс применил заклятие Ключа. Но меры предосторожности были приняты, так что Ши со спокойной душой мог выбалтывать все, что ему известно – заклятие не мешало ему злорадно наблюдать, как от услышанного магик наливается черной бессильной злобой.

– Книжки остались у нашего приятеля Хисса. Он их у вас и стащил седмицу тому, а где фолианты теперь – я не знаю. Хисс их унес, куда – нам не сказал, и где он сам прячется, я тоже не знаю, хоть на части режьте. Но только если к третьему дневному колоколу я не появлюсь в таверне «Кувшин и Роза» вместе с Диери, эти ваши раритеты быстренько передадут месьору Рекифесу – слыхали про такого? – с подробным рассказом, где, когда и у кого они были взяты, а уж господин дознаватель некромантов не жалуется, это будьте покойны...

Колдун раздраженно прищелкнул пальцами, и словесный поток, льющийся из уст Ши, немедленно иссяк. Рилеранс со скрипом отодвинул кресло, встал, заходил по комнате взад-вперед, будто запертый в клетке тигр, время от времени бросая на визитеров злобные взгляды.

– Считаешь себя умником, щенок? – буркнул Рилеранс после затянувшегося молчания, нарушаемого только шелестом оперения топчущегося в своей клетке вурха. – Наверно, думаешь – как это мы ловко все обтяпали, а? Скажи, ведь так думаешь, свинское ты отродье?

Даже будучи возмущен подобным толкованием своей родословной, Ши почел за благо промолчать – маг явно пребывал в бешенстве, не стоило дразнить его еще больше. Бормоча что-то себе под нос, колдун сделал еще пару кругов по комнате и вдруг метнулся к сжавшемуся в своем кресле Ши, заорал ему прямо в лицо, брызжа слюной:

– Ошибаешься, крысиный потрох! Плевать я хотел на немедийского наместника! Приди мне такое желание, я могу вас уничтожить, так что и костей не найдут, и никакая Сыскная Когорта мне не указ! – Впрочем, яростный порыв магика иссяк столь же быстро и внезапно, как начался. Рилеранс отвернулся, буркнул мрачно: – Ну, почти не указ. Хотя, конечно, из Шадизара придется убраться... Но ваша мучительная смерть, к огромному сожалению, хоть и прольется бальзамом на мое сердце, – в голосе мага появились язвительные нотки, едкие, как яд стигийской кобры, – не поможет вернуть дневник Рюцциля... Чтоб тебя скрючило, мерзавец, будь проклято семя, тебя породившее! Ладно... Повтори-ка еще раз, чего вы от меня хотите в обмен на книги?

Ши был бы рад ответить, но после недавнего бурного словоизлияния в его голове воцарилась непривычная звенящая пустота. Так что когда вместо него заговорила вернувшаяся к

жизни Диери, воришка ощутил самую горячую признательность к своей спутнице. Зато магик вытаращился так, будто на его глазах обрела дар речи кошка: видимо, привык относиться к женщине как, самое большее, к безмолвному украшению там, где дела ведут мужчины.

Девушка Эйтола сидела спокойно и говорила ровным, лишь самую малость подрагивающим голосом:

– Мы просим вашу магичность навестить одно место в квартале Нарикано, которое мы вам укажем. Несколько дней назад там произошло... э-э... нападение с убийством нескольких человек, после чего в разгромленном доме начался пожар. Мы думаем, что останки кого-то из нападавших до сих пор лежат в руинах и, если их извлечь... – она помялась, подбирая слова, – в общем, вашего могущества и способностей наверняка хватит, чтобы допросить эти самые останки. Нам необходимо узнать, кто и зачем разгромил наше жилище.

– Пожар, говоришь? – озабоченно скривился колдун. – И сильный? Да? Скверно, скверно... В сильном огне людские тела отлично превращаются в золу и пепел, безразличные к любым заклинаниям. Пожалуй, мне стоит взглянуть на ваш сожженный дом своими глазами. Там и решим, стоит ли продолжать эту безумную затею или, – он многозначительно хмыкнул, – проще вывернуть ваши хитренькие мозги наизнанку, чтобы посмотреть, не отыщется ли там чего-нибудь полезного.

При упоминании о выворачивании мозгов Ши Шелама невольно передернуло. Ложь оказалась недостаточно убедительной – либо же колдун склонен подозревать всех и вся в попытке обвести его, Рилеранса Кофийского, вокруг пальца. Однако цель почти достигнута – магик согласился пойти и взглянуть на развалины «Уютной норы».

– Э-э, почтеннейший, а как же мы? – увидев, что хозяин дома неторопливо воздвигся над столом, Ши отчаянно затрепыхался в кресле, напоминая о своем бедственном положении.

– Ах да, – со скучливым выражением кивнул Рилеранс, мимоходом передвигая под столешницей нечто невидимое. Оковы, удерживающие Ши и Диери, с еле различимым шипением втянулись внутрь массивных подлокотников и сидений. Освобожденные гости вскочили, не веря собственным глазам, и дружно попятнулись к арке входа. – На вашем месте я бы не стал так торопиться. Обязательства должны быть взаимными, как я полагаю, – повинуюсь небрежному жесту колдуна, охранники сдвинулись с места, загородив спасительный выход из залы.

– Поскольку у вас находятся мои книги, я имею полное право на время завладеть чем-нибудь, принадлежащим вам, – завершил свою мысль Рилеранс. – Ты, – он ткнул длинным пальцем в сторону воришки, – отправишься со мной, а она, – теперь палец указывал на растерянно моргавшую девушку Эйтолу, – подождет нашего возвращения здесь. Если ты и твои приятели будете вести себя благоразумно, получите свою подружку назад в целостности и сохранности. Вагсо, проводи нашу гостью, – один из громил оторвался от стены, встав за спиной побледневшей Деяниры.

Ши открыл было рот, чтобы запротестовать... подумал и промолчал. В конце концов, распорядился здесь Рилеранс, возражать которому не только неразумно, но и опасно. Ничего с девушкой не делается. Поскучает малость под замком, и все.

Взгляд, коим Диери Эйтола наградила уходящего Ши, говорил красноречивее всяких слов: «Ну и мерзавец же ты!»

Взгляд, которым отвечал воришка, безмолвно вопил: «А что я могу поделать?!»

* * *

Несмотря на душевное смятение и поспешность, с которой Лоркана Бритунийка покидала ставший для нее ненавистным и чужим Шадиар, она нашла время позаботиться о своей

былой собственности. Ей не пришлось долго искать: владелец кабачка «Бездонная бочка», стоявшего на соседней Мусорной улице, с величайшим удовольствием приобрел развалины «Уютной норы» вкуче с прилегающим участком земли – благо Лорна не торговалась.

Теперь на пожарище вовсю шла работа по растаскиванию сгоревших и рухнувших балок. Известняковый остов двухэтажного здания изрядно закоптился, но в остальном не пострадал. Новый владелец предполагал заново возвести в доме перекрытия, слегка подкрасить стены – и, возможно, к началу зимы в обновленной «Норе», которая наверняка получит другое имя, снова объявятся посетители. Правда, это будет совсем не та «Уютная нора», в которой так славно жилось небольшой и дружной компании.

Еще на подходах к Старой Лестнице Ши, плетшийся под присмотром рилерансовых головорезов, начал испытывать некоторое душевное напряжение. Вряд ли колдуну понравится, чтобы за его работой наблюдала любопытствующая толпа. Тем более что предстоит разыскивать в руинах останки сгоревших тел – а как, интересно, магик намерен это проделать? Заставит трудиться своих охранников и носильщиков, волочащих тяжелый закрытый паланкин? Или отправит его, Ши Шелама, копаться на пепелище, рискуя переломать себе ноги либо свалиться в подвал? Размышляя, воришка шагал все медленнее и медленнее, так что пару раз телохранители магика подталкивали его в спину. Наконец Ши сунулся ближе к паланкину и несмело похлопал по кожаной занавеси:

– Ваша магичность, а ваша магичность...

– Ну? – донесся изнутри гулкий голос. – Мы прибыли?

– Да не совсем еще... Я вот о чем подумал... Там, где прежде была таверна, теперь собираются строить новую, и мастерового люда полно... Вам, наверное, совсем не нужно, чтобы кто-то мешался под ногами?

– Поразительно верное замечание, – язвительно откликнулся Рилеранс. Привешенный к одной из перекладин бронзовый колокольчик звякнул, останавливая процессию, занавесь чуть отодвинулась в сторону. – Будь любезен, пойд и займись этим. Так и быть, я согласен обождать, пока ты разгоняешь зевак.

– Как же я их разгону? – растерялся Ши. – Вряд ли они меня послушают...

– Это твоя забота, – отрезал колдун.

Воришка озадаченно поскреб в затылке. Как ему представлялось, наилучший способ удалить трудяг с пепелища – заманить их на колокол-другой в ближайший кабак, посулив оплатить выпивку и закуску. На руинах «Норы» возится не меньше дюжины человек, стало быть, по три кувшина местного пойла на каждого... Мысленно пересчитав свои невеликие денежные запасы, Ши снова поскребся о задернувшийся полог:

– Ваша магичность...

– Ты еще здесь?

– Бегу, бегу, – заторопился Ши, не двигаясь, впрочем, с места. – Только сделайте милость, одолжите с десяток талеров...

– Человек, раскатывающий в паланкине дома Солнари и запросто прибегающий к услугам, как он сам утверждает, лучшего магика во всей Заморе, не в силах наскрести десятка серебряшек? – злорадно захохотал магик. – Жалкое существо! Ладно. Вагсо, дай денег этому крысенку!

На мгновение Ши Шеламу захотелось провалиться под землю, чтобы никогда более не слышать про Рилеранса из Хоршемиша. Может, правильно в племени Малыша поступают со всякими там колдунами, сжигая оных на костре?..

– Я верну, честное слово, – уныло пробормотал воришка, получив от телохранителя Рилеранса увесистый мешочек и презрительную ухмылку.

К счастью, хоть что-то в этот изначально не задавшийся день прошло гладко. Старшина артели, разбившей былую «Нору», оказался человеком нелюбопытным и покладистым, а вид

тусклых серебряных кругляшков быстро привел его к мысли, что и в самом деле настало самое подходящее время сделать небольшой перерыв в трудах. Внезапно разбогатевшие мастерские шумной гурьбой вывалились в переулочек, оставив после себя груды разбитых кирпичей и обгорелых бревен вперемешку с разбросанной повсюду расколотой черепицей. Ши огляделся по сторонам, в глубине души рассчитывая увидеть кого-нибудь из приятелей – если не Медвежонка, то Хисса, наверняка наблюдавших из укрытия за развитием событий, но не заметил никого. Наподдав носком сапога попавшийся под ногу слюдяной осколок, он побрел обратно – за магом и его сопровождением.

...Придирчиво осмотрев место, где ему предстояло применить свое злое и загадочное искусство, Рилеранс остался крайне недоволен. И двор, видите ли, слишком большой и замусоренный, и дом пострадал гораздо больше, чем его уверяли, а после такого пожара наверняка ничего не уцелело. У Ши достало благоразумия не вступать с колдуном в пререкания.

А тот, продолжая ворчать себе под нос, развернулся вовсю, беспощадно шпыняя своих подручных. Последние споры извлекли из паланкина небольшую переносную жаровню на гнутых ножках, весьма старую и ценную на вид, и начинили ее угольками вперемешку с какими-то травами, отчего над двором поплыл кислотоватый аромат. После чего Рилеранс расставил теплохранителей кругом двора, дабы зверовидные громилы гоняли некстати случившихся зевак, а сам, несколько раз обойдя двор по кругу, распорядился установить жаровню в определенном месте – примерно шагах в пяти от уцелевшего крыльца «Норы», перед пересохшим фонтаном с цаплей – и встал рядом, торжественно и плавно помавая ладонями над самым огнем.

Какое-то время ничего не происходило. Ши сыскал себе местечко подальше от колдуна с его вонючей жаровней и теперь, сгорая от нетерпения, наблюдал за рилерансовой работой. Потрескивали угольки вокруг жаровни, бубнил заклинания маг, тянулись вверх еле различимые в ярком солнечном свете тонкие ленточки дыма. С каждым ударом сердца дымные полосы становились все гуще, приобретая отчетливый голубовато-сизый оттенок и уже не устремляясь к небу, но завиваясь вокруг подола одеяния Рилеранса Кофийского. (Перед отъездом маг успел переодеться и шеголял теперь не в прежней ало-золотой роскоши, но в обычном туранском халате в желтую и зеленую полосу.)

Спустя четверть колокола струящиеся из жаровни клубы дыма обрели форму и призрачную плоть. Теперь они напоминали здоровенных толстых змей. Эти змеи вели себя вполне осмысленно, очерчивая круги и вертя призрачными головами в разные стороны, а кислая вонь от горящих углей вынудила воришку отойти в самый дальний угол двора и закрыть нос рукавом. Оттуда он видел, как Рилеранс, коему дурной запах был, похоже, нипочем, бешено машет широкими рукавами, снова и снова указывая своим призрачным ищейкам на руины «Уютной норы». Внезапно туманные создания на редкость слаженно развернулись к руинам и втянулись в трещины между закопченных камней.

Где-то через три дюжины ударов сердца над развалинами возник колышущийся столбик дыма – там, где раньше находился большой нижний зал таверны. Немного поодаль вырос другой, третий, четвертый... Завидев их, Рилеранс удовлетворенно кивнул наголо выбритой головой, отчего бархатная шапочка сползла ему на лоб, потерял ладони одна об другую и вдруг резко выбросил кисть с полусогнутыми пальцами в сторону пепелища.

Создавалось впечатление, будто магик тащит к себе на очень тонкой, туго натянутой нити нечто невидимое. Ши не поверил своим глазам, когда ощерившиеся вывороченными гвоздями и щепками доски зашевелились, приподнимаясь сами собой, точно подталкиваемые изнутри. Навалившиеся сверху камни неуклюже откатывались в стороны, обломки балок медленно вставали торчком, а по спине наблюдавшего за этим Ши скатилась ледяная струйка. Он хотел было зажмуриться, но любопытство одержало верх.

В облаке пыли и щебня среди вздыбившихся досок возникло нечто, похожее на облаченное в лохмотья чучело с растопыренными руками и свернутой набок головой. Непонят-

ное создание – в котором Ши Шелам мигом признал сильно обгоревший человеческий труп – покачиваясь, застыло в воздухе, поддерживаемое обвившимися вокруг него кольцами туманной змеи. Провисев так долю мгновения (достаточного, чтобы неподготовленный к эдакому зрелищу человек мог полностью свихнуться), труп судорожно дернулся, перелетев через двор и шлепнувшись на предусмотрительно расстеленный прислужниками Рилеранса кусок холста.

Руины постоянного двора, повинувшись заклинаниям кофийского чародея, извергли из своих недр еще трех мертвецов, однако, если так можно выразиться, не все они оказались пригодными к употреблению. Один, восстав из земли, рассыпался пригоршней бурого праха, невзирая на все усилия призрачной змеи сохранить целостность своей добычи. У другого под досадливый вскрик магика отвалился и раскололся на кусочки череп. Третий благополучно присоединился к своему собрату по несчастью, вытянувшись неопрятной кучкой обугленных до желтовато-черного цвета костей.

Туманные змейки поползали по развалинам еще немного, ничего не обнаружили и вскорости развеялись без следа. Жаровня разом погасла, выпустив напоследок жидкое облако белесого дыма. Отступив в сторону, магик шумно выдохнул, снял свою бархатную шапочку и рукавом халата вытер с лица и головы крупные капли испарины.

Сползая со своего насеста, воришка осторожно, боком, приблизился к расстеленному холсту и лежащим на нем останкам. Подручные колдуна, не дожидаясь указаний хозяина, уже увязывали найденные кости в ткань, превращая их в аккуратные свертки.

– А что теперь, ваша милость? – подал голос Ши. – Возвращаемся обратно?

– Я – да, ты – нет, – голос колдуна изрядно осип, как бывает после долгих и громких криков, хотя во время зловещей церемонии Рилеранс молчал либо же что-то бормотал шепотом себе под нос. – Отправляйся к своим дружкам, да поторопись, покуда твой хитроумный приятель не бросился с доносом к Рекифесу! Я выполняю свою часть сделки, уж потрудитесь выполнить свою. Приходи к пятому вечернему колоколу. Приноси книги. *Все* книги. Вернешь их – получишь девчонку.

– Мы договаривались лишь касательно дневника! – возмутился подобному вымогательству Ши. – И одну книгу вы уже получили... скажем так, в качестве предоплаты! И вообще, откуда мне знать...

– Я все сказал, – отрубил Рилеранс, водружая шапочку на положенное ей место. – Торговаться ступай на рынок. Тебе нужна эта говорливая красотка? Тогда до вечера. Мне же нужно подготовиться – думаешь, просто болтать с теми, кто не только умер, но еще и сгорел?

Колдун с некоторым усилием забрался обратно в свой паланкин, куда вслед ему положили жаровню и два холщовых узла, содержавших останки погромщиков «Норы». Несколько ошарашенный увиденным Ши Шелам остался стоять посреди двора, бессмысленно таращась вслед процессии, отбывшей вниз по Обманному переулку, и даже подпрыгнул от неожиданности, когда чей-то согнутый палец постучал его по плечу.

Оглянувшись, воришка узрел своих приятелей – Хисса и Медвежонка, свалившихся неведомо откуда. Может быть, они вылезли напрямик из лужиц пронзительно-синих теней и солнечных пятен, исчертивших двор, а может, перемахнули через уцелевший глинобитный забор. Судя по выражению лиц, молодые люди наблюдали за только что завершившимся ритуалом, и он произвел на них самое удручающее впечатление.

– Представление не для слабаков, – чуть дрогнувшим голосом признал Хисс. – Сунься кто-нибудь во двор – и всем присутствующим была бы обеспечена прямая дорожка на костер. Отныне я вынужден поверить в некромантию. А почему колдун уехал без тебя? Он принял наши условия?

– Где Диери? – на незамысловатую душу Конана чародейские выкрутасы и летающие трупы, похоже, не произвели особого впечатления. Его волновало только одно: куда подевалась его приятельница?

– Принять-то принял... – Ши потряс головой, надеясь, что застрявшее в памяти жуткое видение – парящий над двором мертвец в обугленном тряпье – сгинет, оставив его в покое. Не хватало еще, чтобы эдакая пакость стала сниться по ночам! – Но его некромантская милость уперся рогом и требует вернуть все стянутые книги. Ума не приложу, как это сделать. Несколько штук вы с Кэрли уже продали, другие остались в заваленных тайниках и...

– Где Диери? – тон подростка стал тихим и очень сдержанным, что не предвещало ничего хорошего. Малыш, несмотря на молодость и неопытность, мог стать до чрезвычайности дотошным и опасным – особенно если дело касалось его девушки. – Ты должен был вернуться вместе с ней. Где она?

– В гостях у Рилеранса, – нехотя буркнул Ши, на всякий случай прикидывая расстояние между собой и воротами. Никогда не знаешь, что взбредет в эту варварскую голову, до отказа напичканную дедовскими заветами и прочими благоглупостями... – Этот чернокнижник... Ай!

Кулак Конана, выстреливший прямо в переносицу Ши, успел перехватить Змеиный Язык. Впрочем, особенного сочувствия к воришке на его лице не отразилось.

– Только драки нам еще не хватало для полного счастья! Конан, уймись! – рявкнул он. – Ши, теперь с тобой... я как чувствовал, что ты опять влипнешь. Боги, один-единственный дурак может провалить самый великий замысел! Я тебя...

– Да я-то здесь при чем?! – взорвался Ши, жестикулируя не хуже торговки с Блошиного рынка. – Ничего я не проваливал! Отцепитесь от меня, вы оба, я все сделал как было велено! Не надо было девчонку с собой брать, вот и все!

– А чья была затея? – мрачно буркнул Конан.

Хисс пожевал губами.

– Словом, все сели в лужу, – подытожил он. – Но ты, Ши Шелам, глубже всех.

– Да почему я-то?! – взвыл воришка.

– А кто, я? – хладнокровнейшим образом парировал Хисс. – Кто-то должен быть самым большим дураком. Ты на эту роль подходишь лучше... Все, все, молчу! Скажи наконец внятно, о чем вы договорились с колдуном?

– Я должен снова придти к нему после пятого дневного колокола, – выпалил Ши, уразумев, что возмездие пока откладывается. – Тогда он сулился оживить те кости, которые забрал с собой, и заставить их отвечать на наши вопросы. Так что станем делать с книгами?

– Отдадим то, что осталось, – скривившись, рассудил Змеиный Язык. – Ежели Рилерансу покажется мало, предложим в довесок тебя, – он довольно сильно пнул не успевшего вернуться Ши в лодыжку. – Как подходящую тварь для всяких магических штудий.

Судя по виду подростка-варвара, он целиком и полностью одобрял предложение старшего товарища.

* * *

Привратник дома на улице Кисиндо, выглянув в зарешеченное оконце, распахнул низкую калитку для явившегося ровно с пятым ударом колокола на Ратушной башне Ши Шеламы без всяких расспросов. Очевидно, Рилеранс предупредил свою челядь касательно зачистивших гостей. Паланкин, на коем прибыли воришка и Диери, сиротливо приткнулся в углу двора – равнодушные ко всему мулы дремали стоя, погонщик и его малолетний подручный сидели под стеной, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Погонщик окликнул Ши, боязливо поинтересовавшись, когда придет пора уезжать, на что воришка только развел руками.

На сей раз посетителя вели совершенно иным путем, завершившимся не в зале с низким синим потолком и вращающимися чучелами, но в полуподвальном помещении, выложенном темно-красным камнем и освещенным развешанными по углам масляными лампами. В подвале стоял холод – такой, что при дыхании и разговоре изо рта вырывались заметные клубки пара. Вспомнив короткие обмолвки Медвежонка касательно его далекой родины, Ши аж передрнулся – как можно выжить в краю, где подобная холодрыга царит круглый год?

Наученный горьким опытом воришка заранее положил себе не приближаться и не садиться ни на какие стулья, табуреты, скамьи и диваны, но никакой мебели в подвале и не обнаружилось. Только стены в налете скользкой измороси да пол, выложенный квадратами желтых и черных плиток.

Как ни странно, Рилеранс целиком и полностью сдержал свое обещание, подготовив к приходу назойливого визитера все необходимое для осуществления ритуала. Два оскаленных черепа – изжелта-коричневая кость в черных паленых пятнах – занимали стоявшие на полу широкие медные блюда вроде тех, на которых раскладывают фрукты. К их макушкам капельками воска были прилеплены тоненькие белые свечи. По соседству горкой лежали закопченные кости, для чего-то накрытые тончайшей серебряной сеточкой, вокруг них был выложен круг из маленьких бронзовых статуэток. Имелся также высокий, в рост человека, и похожий на развесистое деревце алебастровый подсвечник на два десятка свечей, уже расставленных по местам и зажженных, только испускали они не привычный красно-оранжевый, а мягкий изумрудный свет.

Оглядевшись по сторонам, Ши состроил гримасу, долженствующую выражать положенное удивление и испуг перед колдовскими предметами. Тяжелая кожаная сума, куда сложили предназначавшуюся магию оплату, оттягивала руку, и воришка поставил ее себе под ноги.

Деянира Эйтала в подвале отсутствовала. Зато хозяин дома пребывал в опасной близости и, похоже, в дурном настроении. Колдун расхаживал по подвалу, волоча за собой подол багряно-золотого одеяния, и сварливо набросился на вошедшего Ши:

– Я велел тебе прийти в пять пополудни! Ты опоздал!

Ши рассыпался было в долгих и красочных извинениях, но быстро догадался, что его не слушают. Похоже, магик сам изрядно струхнул перед предстоящим ему делом, а потому набрасывался на любого, кто подвернется под руку.

– Ладно, начинаем, – оборвал воришку Рилеранс. – Сколько из-за тебя хлопот, пропади ты пропадом... Надеюсь, ты знаешь, о чем будешь спрашивать мертвецов. Учти, они не так болтливы, как ты, так что вопросы должны быть четкими и ясными. Лучше всего такими, на которые можно отвечать «да» или «нет». Не подходи близко, ничего не трогай, и ни в коем случае не вздумай вопить, что бы тебе не привиделось. Готов?

У Ши отчетливо постукивали зубы – от наполнявшего подвал стылого холода или от предстоящего некротического ритуала, уже второго за этот невероятно долгий день, однако он нашел в себе силы кивнуть.

Кофийский магик извлек из жестких складок своего одеяния небольшую, в размер ладони, книгу в вытершемся зеленом переплете. Открыв ее на заложенной странице, он принялся монотонно зачитывать строки на незнакомом Ши наречии, и вскоре огоньки свечей в большом канделябре сменили цвет, став из зеленых сперва призрачно-голубыми, а затем темно-багровыми. Над полом неизвестно откуда появился и поплыл медленный ледяной туман. Рилеранс продолжал чтение, поводя в такт произносимым словам свободной левой рукой, его широкий парчовый рукав взлетал и опускался.

Свечка, украшавшая макушку лежавшего слева черепа, вспыхнула трескучим розовым огоньком, спустя мгновение ее примеру последовала вторая. Укрытые серебряной сетью горстки костей мелко-мелко затрепыхались, как угодившие в ловушку птицы или мелкие зверьки. Интонации колдуна из заунывных стали настойчивыми и требовательными. Маг вроде

бы уже не произносил заклинание, но спорил с кем-то, убеждая собеседника признать его, Рилеранса, полную и неоспоримую правоту. Ши показалось, будто в провалившихся глазницах черепов мелькают крохотные алмазные искорки – и тут издалека пришел один-единственный размеренный удар большого гонга, столь густой и низкий, что звук вынудил содрогнуться фундамент и выстроенный на нем дом от основания до флюгера на самой высокой башенке. У воришки на несколько ударов сердца заложило уши, и он не сразу расслышал, что свирепо шепчет повернувшийся к нему чародей.

– Э... что?

– ...Спрашивай, ежели не передумал. Да побыстрее, демоны тебя побери!

– А... э-э... – от всех обрушившихся на него сегодня испытаний и потрясений Ши не сразу вспомнил, о чем нужно спрашивать покойных погромщиков «Уютной норы». Да и как вообще это делается? Разговор с черепами, возлежащими на блюдах, выглядел несколько нелепо, и Ши обратился с вопросом к колдуну: – Пусть скажут, кто они. В смысле, как их звали, когда они еще были живы?

Послышался заикающийся шелест-шорох-шипение, в котором с трудом угадывались искаженные людские голоса – словно бы невероятные собеседники находились за толстой стеной или перекрикивали свистящий над бескрайней равниной ветер:

– Варин... Тишван...

Со вторым вопросом Ши справился уже быстрее:

– Зачем вы напали на таверну «Уютная нора»?

Последовавший ответ состоял из единственного слова, прозвучавшего четко и внятно:

– Золото.

«Наемные клинки, мы сами об этом прекрасно догадывались, – Ши по привычке дернулся поскрести затылок. – Вызвать бы теперь, кто им платил... Надо было уговорить Хисса пойти со мной – он куда сообразительнее, быстро бы догадался, как вытянуть из этих покойничков их секреты...»

Не придумав ничего лучшего, воришка решил зайти с другой стороны:

– Кто дал вам деньги и приказал напасть на трактир?

– Не знаем, – после заметного колебания один за другим прошелестели незримые голоса. Тоненькие свечки затрепетали, угрожая погаснуть, и Рилеранс опять забормотал что-то нараспев, пока огоньки не выпрямились. Отчаянно напрягая весь отпущенный от природы разум, Ши додумался до следующего вопроса:

– Хорошо, а чем вы занимались при жизни? У вас был какой-нибудь хозяин или вы разгуливали сами по себе?

– Марди, – на сей раз ответил только один голос. Второй промолчал, словно и после смерти соблюдал верность покровителю. Заполучив наконец имя, первую надежную опору в окружающем тумане, Ши одновременно испытал и удовлетворение, и тревогу:

– Кто еще был с вами?

– Зуад... Пег Конокрад... Уло иль-Нарим... Джавад... – одно за другим посыпались имена, всего числом девять. Ши тем временем приготовил следующий вопрос.

– Кто был старшим?

– Зуад Шептун. «Пастух» Марди Крохобора...

– Так это Крохобор оплатил разгром таверны? – безмерно удивился Ши.

– Нет. Иной. Ни лица, ни имени.

– Что нужно было «иному»? Он послал вас за чьей-то жизнью? За какой-то вещью?.. –

Ши еле успел прикусить кончик языка, прежде чем сболтнуть то, о чем Рилерансу было знать совсем необязательно.

Голоса помолчали, словно обдумывая вопрос, и заскрипели в унисон, перекликаясь затихающим эхо:

– Сперва искали людей, чтобы не спрашивали лишнего. Тот, кто платил, золота не считал. Не убивать. Только приглядеть, чтобы не шумели и не болтались под ногами. Еще были другие, мы их не знаем. Серые, пыльные, безликие, пустые. Страшные. Искали вещи. Ключи. Книгу. Корону. Меч. Зеркало. Диск. Добычу забирали они, нам – только деньги. Много денег. Половину вперед, половину потом. Сделать и разбежаться. Говорили – сопротивления не будет, надули. В таверне стали отбиваться. Тогда вмешались те, другие...

Тонкие свечки на покатых макушках черепов, не успевшие прогореть и на треть, заполошно замерцали, словно под порывом внезапного ветра. Струившийся над полом свинцово-стальной туман загустел, становясь ощутимо плотным и обжигающе холодным.

– Уходят, – встревоженно сообщил Рилеранс. – Их время оканчивается, мне их не удержать... Все, ушли. Больше не вернуться, – он внезапно громко чихнул, отчего расшитая шапочка съехала ему на нос. Ши помахал руками, разгоняя вязкое марево и едкий дым от враз померкших свечей в канделябре. – Ты узнал, что хотел?

– Д-да, – поколебавшись, кивнул воришка. – Я... то есть мы крайне признательны вашей магичности за все, что вы для нас...

– Помолчи, – устало бросил хоршемишский колдун. – Отдай, что принес, и вон из моего дома. Ежели покажешься мне на глаза еще раз – пеняй на себя.

– Диери, девушка, которая пришла со мной... – рискнул напомнить Ши, оставив суму с книгами лежать на полу и пятясь к неприметной дверце, через которую его впустили в подвал. – Она... Вы обещали...

– Дождется снаружи, – магик хлопнул в ладоши, дверь приоткрылась, в нее просунулась голова прислужника. – Этого шута с его девицей выведи во двор, пусть себе катятся. Я свою часть договора выполнил. Пошел прочь.

«Счастливо оставаться, ваша чародейская милость. Чтоб тебя демоны из Нижней Сферы на кусочки разорвали. Или покойники утащили за собой», – Ши вылетел из холодного подвала так, будто за ним гналась свора разъяренных псов.

...Едва тяжелая подвальная дверь закрылась за спиной незадачливого вымогателя, Рилеранс задвинул в скобы тяжелый засов и рассеянно перебрал содержимое кожаной сумы. Главное, дневник Людоода, на месте. Из прочего не хватало примерно трети, но недостачу эту маг едва отметил и тут же забыл о ней – его мысли занимало сейчас иное.

Надо сказать, только это «иное» спасло Ши от крупных неприятностей, ибо мстительный по своей природе хоршемишский некромант намеревался напоследок наградить воришку с его нахальной девицей гибельным, черным проклятием. Однако заклинание из колдовских арсеналов Черного Круга Кешлы требовало серьезных затрат магической силы. А для того, что задумал маг, услышав ответ с Серых Равнин, вся его немалая Сила понадобится без изъятия – и еще неизвестно, хватит ли. Но уж если хватит...

Будучи весьма практичным человеком, Рилеранс не претендовал на власть над миром. Его бы вполне устроила власть над Заморой. Ну и над Офиром с его золотыми хранилищами, заодно. Может быть, еще над Стигией. Тогда уж он точно показал бы этому выскочке Тот-Амону, кто чего стоит в магии...

Подвал, помещение для рискованных колдовских опытов, был совершенно гол, если не считать кучки костей на полу посреди магического круга. Рилеранс присел на корточки у стены.

– Книга, корона и меч... – бормотал колдун в глубокой задумчивости. – Нергал, Сет, Эрлик... Диск Митры, Зеркало Иштар... нет, это не может быть совпадением. Неудивительно, что их вырезали, скорее странно, что кто-то остался в живых... а этот дурачок совершенно не умеет спрашивать...

Какое-то время маг оставался неподвижен, высчитывая что-то на пальцах и негромко бормоча себе под нос. Затем, приняв решение, он поднялся, властным жестом вскинул руку, и тонкие свечи на макушках обгорелых черепов снова затеплились трескучим красным огнем...

Глава третья

Традиции и законы

– Ничего не понимаю, – честно и обескураженно признался Хисс, выслушав подробнейший рассказ Ши о пребывании в особняке колдуна, магической церемонии, заданных вопросах и ответах, данных мертвецами. – То есть отчасти понимаю, но никак не могу сообразить, как все эти события увязаны между собой. Есть у кого хоть одно разумное объяснение?

Воссоединившаяся компания обосновалась за своим излюбленным столом в дальнем темном углу «Змеи и скорпиона», пытаясь обдумать дальнейшие действия. Получалось скверно – несмотря на уже второй опустошенный кувшин «Белой ослицы». Как верно заметил Хисс, кончики многочисленных оборванных нитей не желали связываться между собой, спутываясь в прихотливый клубок.

– Марди Крохобор – это ведь Каменный рынок? – уточнила Диери Эйтола. Девица несколько успокоилась после того, как на ее глазах Ши Шелам получил заслуженную пару увесистых пинков от разозленного Конана, и теперь пыталась по мере сил быть полезной. – Он заправляет там и в квартале Сахиль уже лет пять, с тех пор, как одолел Гутая, предыдущего хозяина, верно? Вы ему случайно дорогу не перебежали?

– Мы там промышляли время от времени, – подтвердил Змеиный Язык. – Но так все поступают, при условии, что не зарываются и выплачивают отступные. С мальчиками Марди мы вроде не ссорились, порядок соблюдали, платили в срок... Ши, ты в последнее время на Каменном рынке не слишком усердствовал?

– Опять Ши?! Чуть что, сразу Ши! – враз воспламенился воришка. – И вообще, орел мух не клюет! Мы для Марди слишком мелкая добыча, чтобы устраивать тарарам с поджогом на весь квартал, да еще на чужой земле!

– Не оставив притом никаких следов, – удрученно покивал Хисс. – Никто ничего не слышал, не знает, не видел. Налетчики взялись из ниоткуда и растворились в нигде. Так не бывает, особенно в нашем городке любителей сплетен! Не бывает, и все тут!

– Говорят, у Марди пропало несколько человек, – неожиданно подал голос молчавший до того Конан. – Не откололись от него, не подались за счастьем в иные края. Просто пропали. Совсем.

– Где ты это слышал? Когда? От кого? – с двух сторон накинулись на своего приятеля Хисс и Ши.

– Дней пять тому, в оружейной лавке на углу Ишлаза и Золотой...

– Может, все-таки кто-то что-то пронюхал? – нерешительно предположил Ши. – Или кто из наших проболтался по неосторожности? Сами знаете, как бывает – слово за слово, захотелось прихвастнуть...

– Это только тебе постоянно хочется прихвастнуть, – съязвил Хисс. – Ну не верю я, хоть убейте, что кто-то из нашей компании мог болтать на всех углах о том, что хранится у нас в «Норе»! Бахвальство бахвальством, мы поболтать все горазды, но тут уже чем-то похуже пахнет. Чем-то таким, за что, того... языка лишают. Обычно вместе с жизнью.

– Тогда вот тебе другое предположение, – встряла Диери, – Назирхат уль-Вади, хозяин Нарикано, на днях скончался, а Крохобор, ваш сосед, обнаглел настолько, что пытается расширить границы своих владений. Вы ему подвернулись под руку – просто так, без всякой особой причины. Чтобы силы попробовать. Может, ваша беда – только начало. Будет нам повторение веселых времен, когда шайка Бешеных резалась с Красными Поясами за Ночную Пустошь, заодно спалив полгорода.

Молодые люди озадаченно уставились на свою приятельницу, и Ши протянул:

– Ну ты и завернула, моя дорогая...

– Может, и дорогая, но уж точно не твоя, – фыркнула девица Эйтола.

– Чушь. Извини, Диери, – отмахнулся Змеиный Язык. – Так дела не делаются. Будь это война за землю, Крохобор для начала объявился бы со своими претензиями на Круге Смотрящих. А так – ну что ему проку с такой резни? Нет, чепуха. Вы лучше подумайте вот о чем. По словам Ши, покойники твердили, якобы их послал на дело не Марди, но кто-то иной. Он, этот «иной», за всем и стоял, я так мыслю. Просто кто-то любит жар чужими руками позагребать. Ну-ка, напрягите память: что может означать упоминание о серых, безликих и присыпанных пылью?!

– В Кезанкийских горах года два назад промышляла банда под названием «Пыльный вихрь», потрошила туранские караваны, – припомнил воришка. – Но ее извели под корень... Еще есть Серая Гильдия, убийцы по найму... эти, вообще-то, похожи. Но тут в чем загадка: зачем в одну компанию собирать гильдейских убийц и головорезов с Каменного рынка?

– Как раз на такой случай, – задумчиво сказал Хисс. – Если собираешься заполучить ценную – очень ценную – добычу... одна корона чего стоит... то нанимай воров, потому что гильдейские воровать не умеют, они по другим делам мастера. Но если вдруг вору вздумают наложить лапу на ту же самую корону или случись драка, то Серые будут о-очень кстати...

– И верно! – оживился Ши. – Может, так все и было?

– Может, и было, – буркнул Хисс. – Только проще у мертвеца спросить, чем у Серой Гильдии. Они вообще сами по себе.

– Короче, все наши мучения и старания ни к чему не привели, – мрачно подвел итог Конан. – Для Рекифеса признание мертвецов доказательством точно не станет. Если мы заявимся в Управу с подобным известием, нас препроводят до ближайшего приюта скорбящих на голову и запрут там на крепкий замок. Но сперва будут долго и упорно трясти, выспрашивая, с чьей помощью мы разжились столь потрясающими сведениями...

– В былые дни мы могли бы пожаловаться господину Назирхату, мир его праху, – Ши Шелам принялся деловито выковыривать пробку из горлышка третьего по счету кувшина. – Он, конечно, пил из нас кровушку похлеще тех злобных демонов, про которых толкуют митрианские монахи, и вел счет каждому медяку в наших карманах... Однако своих в беде он никогда не оставлял.

Где-то на Серых Равнинах душа почившего Назирхата уль-Вади, незаконного, но общепризнанного владыки квартала Нарикано, наверняка прослезилась при сем высказывании мелкого жулика, незамысловато и честно подводившим итог всей его многотрудной, хлопотливой и тяжелой жизни.

Диери изящно выгнула бровь. Хисс хмыкнул. Конан смолчал.

– Если бы мы пришли и сказали: «Нас ребята Крохобора ни за что, ни про что прищемили!», уль-Вади весь город бы перевернул и сделал так, чтобы подобного безобразия впредь не повторялось, – гнул свое Ши, разливая по кружкам мутное молодое вино, порой и в самом деле поражавшее головы собутельников не хуже удара ослиного копыта. – Такой уж у него был обычай. Теперь-то за него вроде как Кодо...

– Хисса хороший приятель, – с невинным видом проронил киммериец.

Ши неприлично заржал, а Хисс, как раз сделавший первый глоток, немедленно подавился и заперхал, налившись кровью и пуча глаза. Конан заботливо похлопал его по спине.

Диери Эйтола недоуменно переводила взгляд с киммерийца на Ши и далее на Хисса.

– Малыш шутит. Не иначе в лесу дракон сдох, – заявил Ши. – Кодо у Хисса карточные долги выбивать приходил. Ой что было...

– Этого, юноша, – с чувством произнес Змеиный Язык, багровый как спелая виноградина, – я тебе никогда не прощу. Ишачий ты хвост и отрыжка песчаного демона, ясно?

Малыш молча пожал плечами и скорчил Хиссу рожу. Пару месяцев тому в ответ на подобное поношение Конан, весьма возможно, полез бы в драку. Однако жизнь в развеселом

городе Шадизаре постепенно научила юного варвара отличать обидное слово от дружеской подначки. Более того – время от времени окружающие стали замечать за киммерийцем некие признаки чувства юмора, а также вкус к хмельным напиткам и повышенное внимание к противоположному полу. «Взрослеет парень», – не без гордости говаривал в таких случаях Ши, даром что сам прожил на свете всего-то двумя годами больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.